

« Евангелие Иуды в переводе с коптского

Том Райт

ИУДА И ЕВАНГЕЛИЕ ИИСУСА

Том Райт

ИУДА И ЕВАНГЕЛИЕ ИИСУСА

Развенчание нового мифа
о происхождении христианства

«
ва
ме
па
хо
С
тр
ва
об
си
се
ти
на
С
ва
на
за
пр
се
о
И
ва
о
ва
ар
ре
хр
С

Том Райт**ИУДА И ЕВАНГЕЛИЕ ИИСУСА****Развенчание нового мифа о происхождении христианства**ПРЕДИСЛОВИЕ¹

15 пятницу 7 апреля 2006 года я отправился в сорокачасовое путешествие, возвращаясь из города Кэрнс в северо-восточной Австралии домой в северную Англию. В Австралии я три недели читал лекции, а после еще три дня отдыхал. Теперь я возвращался на родину, чтобы и далее возглавлять Даремскую епархию, и в ближайшее время мне предстояли службы в Вербное воскресенье, на Страстной неделе, в Страстную пятницу и, наконец, на Пасху.

По приезде в Англию в первой попавшейся газете я прочел о двух книгах, изданных в ту самую пятницу. Они были посвящены древнему документу под названием Евангелие Иуды, который, судя по всему, был обнаружен совсем недавно и теперь стал достоянием широкой публики. Признаюсь, прежде всего — несомненно, из-за усталости после перелета и озабоченности миллионом срочных дел — я подумал: «Опять новое евангелие, ну сколько можно!» В голове разворачивался предполагаемый сценарий: газеты и радиостанции трубят («Новое открытие ставит под сомнение традиционное христианство»); эмоциональные американские ученые заявляют, что эта находка непременно побудит нас задаться вопросами, которых избегала церковь; широкая общественность пребывает в недоумении («Но разве Свитки Мертвого моря все уже не опровергли?»); а главное, все отвлекаются от реальных задач, стоящих перед церковью в начале XXI века. Должен признаться, я надеялся, что этот документ окажется либо поддельным, либо таким скудным и неинтересным, что мне не придется особенно о нем задумываться.

Я ошибся и в том и в другом. Как только я оказался в своем кабинете,

¹ В сносках используются следующие сокращения:

ДХБ Доникийская христианская библиотека

Иуд «Евангелие Иуды»

КМВ «Евангелие Иуды» под редакцией Родольфа Кассера, Марвина Мейера и Грегора Вурста, с дополнительными комментариями Барта Л. Эрмана. [*The Gospel of Judas*, ed. by R. Kasser, M. Meyer, G. Wurst, with additional commentary by Bart D. Ehrman. (Washington, DC: National Geographic, 2006)]

NHL Библиотека Наг-Хаммади, под редакцией Джеймса М. Робинсона [*The Nag Hammadi Library*, ed. James M. Robinson (Leiden: E. J. Brill, 1977)]

НН 1, etc. Кодексы Наг-Хаммади.

телефон начал звонить не переставая. Комичный момент: вместо заказанного мной только что изданного Евангелие Иуды местный книжный магазин прислал художественный роман под таким же названием («Евангелие Иуды» Саймона Моуэра), где описывается возбуждение, почти паранойя, при мысли, что кто-то когда-нибудь может предъявить документ, который сильно пошатнет христианство в том виде, в каком мы его знаем. (В романе таким документом оказывается личное свидетельство Иуды не только о распятии Иисуса, но еще и о разложении его тела — другими словами, воскрешения не было, и, стало быть, христианская вера ложна.) Я вновь попробовал заказать книгу — через Интернет, и на этот раз ее прислали: «Евангелие Иуды» под редакцией Родольфа Кассера, Марвина Мейера и Грегора Вурста, с дополнительными комментариями Барта Эрмана. Также я приобрел весьма колоритное журналистское повествование о том, как в 1970-х годах был найден оригинал текста, как его перевозили с места на место в поисках покупателя, из-за чего документ был сильно поврежден, пока, спустя почти 30 лет, он, наконец, не оказался на столе человека, способного восстановить и перевести его [Герберт Кросни «Потерянное евангелие: поиски Евангелия Иуды Искарота» («The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot»)]. Обе книги изданы в Вашингтоне Национальным географическим обществом, которое также сняло документальный фильм с участием авторов и редакторов. Основная идея фильма в том, что древний гностицизм — это не только интересная тема для изучения, но еще и заманчивая религиозная альтернатива, на которую нам сегодня крайне полезно обратить внимание.

Так или иначе, означенный документ — манускрипт, вызвавший столько шума, по-видимому, подлинник. Авторитетные ученые в различных научных областях, включая специалистов по радиоуглеродному датированию, заявляли о подлинности манускрипта, созданного в Египте в период с III по IV век. И он не оказался ни скудным, ни неинтересным. Более того, комментарии первых редакторов текста — в частности, Мейера и Эрмана — крайне любопытны, поскольку демонстрируют характерное стремление последних десятилетий — найти новые доводы против классического христианства. Но у меня остался вопрос: не сделало ли Евангелие Иуды для этого стремления — нынешнего энтузиазма в отношении древнего гностицизма — то же самое, что, согласно традиции, сделал Иуда в отношении своего учителя? Не выявил ли этот новый интересный документ более убедительно, чем другие известные нам аналогичные писания, именно те самые идеи, в которые верили ранние «гностики», и не показал ли, почему ряд крупнейших христианских богословов раннего периода решительно отвергал их альтернативные взгляды? Не позволяет ли он нам более ясно, чем раньше, увидеть, где именно были проведены политические и богословские границы во II веке? Я полагаю, да, позволяет. Это убеждение появилось у меня и окрепло по мере изучения как самого документа, так и того, что уже было написано о нем.

Таким образом, я пишу эту небольшую книгу, чтобы подкрепить три моих убеждения. Во-первых, это новое Евангелие Иуды, будучи чрезвычайно любопытной археологической находкой, ничего не сообщает нам о реальном Иисусе, да и о реальном Иуде тоже. В частности, оно не «реабилитирует» Иуду (как некоторые утверждают) и не снимает обвинений, выдвинутых против него в Новом Завете и использованных во время гонений на евреев в Средние века. Во-вторых, энтузиазм по отношению к новому «евангелию» раскрывает истинные мотивы исследований ученых, занимающихся поиском «альтернативного Иисуса», а также вызывающие тягу к сенсационным сведениям вроде тех, что мы находим в книгах, подобных «Коду да Винчи» Дэна Брауна². В-третьих, специфическое учение Евангелия Иуды лишь высвечивает определенные моменты христианства I века, которые следует обрисовать более полно, чем порой это делается. При сопоставлении всего изложенного становится понятно, что публикация этой интересной книги спустя более 1500 лет после ее написания более убедительно, чем когда-либо прежде, демонстрирует несостоятельность содержащихся в ней идей. И, наоборот, более убедительно показывает привлекательность, пожалуй, не всего современного западного христианства, но — истинной христианской веры, проповедуемой в Новом Завете, веры, за которую те, кто противостоял гностикам II века, страдали и погибали.

Я очень благодарен Ричарду Бокхэму, Ричарду Хейзу, Питеру Хэду и Питеру Роджерсу, которые по моей просьбе написали комментарии к черновому варианту этой работы и помогли отточить ее содержание. Разумеется, они не ответственны за мои ошибки, но я благодарен им за мудрость и за поддержку. Также я выражаю теплую благодарность Саймону Кингстону, Джоанне Мориарти и жизнерадостному персоналу издательства SPCK. Это — тридцать третья моя книга, изданная ими, и они продолжают работать на славу. Наконец, доктор Николас Перрин прочитал первый вариант текста и позволил мне воспользоваться его познаниями в области гностицизма II столетия. Ник был моим ассистентом по научной работе с 2000 по 2003 годы, и эту небольшую книгу, в качестве запоздалой благодарности и для выражения моего неизменного уважения, я посвящаю ему.

Том Райт

² О книге «Код да Винчи» см. мою книгу: T. Wright, *Decoding Da Vinci* (Cambridge: Grove, 2006).

1. НЕ ПРОСТО ЕЩЕ ОДНО ЕВАНГЕЛИЕ?

Как историка, изучающего античный период, меня постоянно огорчает скудность источников, которыми мы располагаем. Труды некоторых выдающихся авторов древности сохранились лишь во фрагментах. Даже работы Тацита — влиятельнейшего римского историка I века нашей эры — дошли до нас не полностью. Некоторые важнейшие сочинения Цицерона сохранились лишь частично; иные утрачены навсегда.

У моего старшего сына, специалиста по новейшей истории, совсем другая проблема — по всему миру в библиотеках и архивах хранятся не только книги, но и газеты, брошюры и всевозможные артефакты, которые в принципе могут многогранно осветить европейскую историю последних двух веков. Меня мучает зависть. Я — один из тех людей (молодое поколение могло бы назвать нас «занудами»), у которых сжимается сердце при мысли о гибели в огне древних библиотек Александрии и Константинополя.

Поэтому я радуюсь каждой археологической находке, свидетельствующей о Древнем мире. Я испытываю потрясение, когда, посещая места римских поселений в Северной Африке, нахожу среди высокой травы прекрасные камни с резьбой, нередко испещренные многочисленными надписями. (Методичный англичанин подумал бы, что их несомненно следует занести в каталог и поместить в музей.) Я безумно волнуюсь, стоя на возвышении там, где когда-то был город Колоссы, разрушенный землетрясением в I веке. (Ну почему археологи не могут объединиться, чтобы убедить правительство Турции разрешить им проводить раскопки в этих местах?) Мы, историки, нуждаемся в каждой монетке, в каждом клочке пергамента, в каждом резном камушке, которые могут пролить свет на удивительную, но, к сожалению, неполную историю Древнего мира.

Поэтому появление нового свидетельства того времени — это всегда повод для радости. Свидетельство есть свидетельство. Как мы с ним поступим, — это, как увидим, другое дело; но сам факт появления документа из мглы веков вызывает такое же волнение, как неожиданное прибытие таинственного незнакомца вероятно, с очень важным письмом. Мы инстинктивно — и оправданно — стремимся выяснить, что это за новое свидетельство, откуда оно взялось и как его истолковать.

Именно в таком ключе и следует подходить к Евангелию Иуды. До того как был обнаружен этот крайне интересный документ, мы знали о нем лишь по некоторым упоминаниям в писаниях первых христиан. Теперь он у нас есть (по крайней мере, в одном варианте, но могут быть и другие, кто знает), и мы можем узнать, о чем там шла речь. Это — отличная новость для историка.

Я начинаю свою книгу именно так, потому что не хочу, чтобы кто-то предположил, будто церковь пытается скрыть факт столь важной находки.

(Мне как епископу следует объясниться.) Когда, в 1947 году были найдены Свитки Мертвого моря, на церковь посыпались обвинения в том, что она старается их спрятать, отложить публикацию, сделать что угодно, чтобы не допустить утечки информации о том, что Иисус будто бы был ессеем, что раннее христианство представляло собой причудливую иудаистскую секту, и т.д. Конечно, на самом деле (вопреки заявлениям чудаковатых ученых вроде Барбары Тиринг и скандально знаменитых беллетристов вроде Дэна Брауна) эти свитки ничего не сообщают нам об Иисусе, Иоанне Крестителе, апостоле Павле или каких-либо других ранних христианах. Они лишь немного проливают свет на деятельность одной маленькой группы ранних иудеохристиан и на текст Ветхого Завета, который они использовали. Это, в свою очередь, помогает нам понять некоторые аспекты раннего христианства, которое в самом деле в какой-то степени было странной иудеохристианской сектой. Но никто ничего не скрывал. Просто происходил длительный процесс — подчас непросто и долго, но не по богословским причинам, в ходе которого крошечные фрагменты двухтысячелетней давности соединялись, редактировались и публиковались. (Свитки, сохранившиеся лучше, в основном публиковались быстрее.)

На протяжении последних двух столетий были найдены и некоторые другие важные древние тексты. Папирусы Бодмера, Битти, Оксиринхские папирусы и другие аналогичные документы, обнаруженные в Египте, не привлекли такого пристального внимания СМИ, как Свитки Мертвого моря (Кумранские рукописи), но для историков они важны ничуть не меньше. Например, среди них есть собрание посланий апостола Павла II века, известное как P45, и неполный список Евангелия от Иоанна, датируемый примерно 200-м годом (P66). При всем внимании, уделенном Свиткам Мертвого моря и документам гностиков, многие удивляются, когда узнают, что мы располагаем столь ранними списками книг Нового Завета¹.

Но в 1940 году еще одна археологическая находка попала в заголовки новостей: кодексы из Наг-Хаммади в верхнем Египте («кодекс» — древняя форма книги, в отличие от свитка). Как и в случае со Свитками Мертвого моря, понадобилось много времени, чтобы изучить и опубликовать эти тексты. Задача была крайне сложной. Обвинений в сокрытии текстов никто тогда не предъявлял, поскольку, в отличие от Свитков Мертвого моря, материалы из Наг-Хаммади не находились в руках ученых, связанных с церковью. И как раз материалы из Наг-Хаммади служат фоном для этой недавней публикации.

В случае с Евангелием Иуды тридцатилетний срок между его

¹ Подробности этих и других важных данных см.: Bruce M. Metzger, Bart D. Ehrman, *The Text of the New Testament: Its Transmission, Corruption and Restoration*, 4th edn (New York: Oxford University Press, 2005). Обсуждение темы см. в различных статьях: B. D. Ehrman and M. W. Holmes (eds), *The Text of the New Testament in Contemporary Research: Essays on the Status Quaestionis* (Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 1995).

обнаружением и публикацией объясняется не десятилетиями кропотливой научной работы, никоим образом (несмотря на заявление в британской газете *Daily Mail*) не попытками церкви скрыть документ, а трагикомическими перипетиями на рынке антиквариата. Герберт Кросни рассказывает в своей книге, как этот кодекс, первоначально найденный неграмотными крестьянами у берегов Нила в центральном Египте, оказался в Каире. Затем, путешествуя крайне запутанными маршрутами, попал в банковское хранилище в Нью-Йорке, в Йельский университет, к одному американскому дельцу, затем в Швейцарию... и, наконец, оказался на столе человека, который знал и как обращаться с манускриптом, и как его редактировать. Это — удивительная история о бесконечных телефонных переговорах, перелетах, коварстве, зависти, интригах, подозрениях, разрушенных и вновь воскресших надеждах. Это — интересное повествование само по себе очень похоже на художественный роман, где описываются подобные, правда, выдуманные истории.

В гностических «евангелиях», к которым относится и Евангелие Иуды, об Иисусе и его последователях рассказывается таким образом, что герои предстают злодеями, а злодеи — героями. Поэтому весьма забавно читать то, что во многом является перевернутой версией и этой истории (т.е. истории о том, как был найден, перепродавался и, в конце концов, был обработан указанный текст). Эта альтернативная версия была написана человеком, страстно желавшим отредактировать найденный документ, но вынужденным только наблюдать, как это делают другие: ведущим американским специалистом по рукописям Наг-Хаммади профессором Джеймсом М. Робинсоном из Клермонтского университета. В его книге «Тайны Иуды» («*The Secrets of Judas*»), изданной одновременно с Евангелием Иуды, рассказывается об обнаружении этого документа и махинациях, предшествовавших его появлению сначала в лаборатории, а затем в печати. Но вместо того чтобы выразить радость по поводу триумфального завершения этого грандиозного проекта, Робинсон превращает героев в злодеев и изображает себя человеком, которому следовало играть героя, но которого не пустили на сцену². Он пишет в негодующей презрительной манере и, пожалуй, слишком часто использует восклицательный знак. В мире с лихвой хватает того, что в ортодоксальных кругах может называться «*odium theologicum*»; возможно, случай с Робинсоном и его недругами можно квалифицировать как «*odium atheologicum*» — вражда между сторонниками разных взглядов, отвергающих «Бога» иудаизма и христианства. В книге Робинсона парадоксально то, что, стремясь выпустить ее одновременно с Евангелием Иуды, издаваемым Национальным географическим

² J. M. Robinson, *The Secrets of Judas: The Story of the Misunderstood Disciple and his Lost Gospel* (San Francisco, Calif.: HarperSan-Francisco, 2006). Изображение Робинсоном Кассера похоже на карикатуру (p. 111, 160f); также он постоянно напоминает о своем высоком статусе среди исследователей гностицизма (см., например, p. 160, 186).

обществом, Робинсон был вынужден закончить свою книгу, вообще не прочитав того текста, о котором он ведет речь. Можно долго, но безуспешно перелистывать страницы его книги в поисках хоть какого-то изложения учения, содержащегося в манускрипте.

Как ни печально, папирусный кодекс из-за неправильного обращения и хранения в неподходящих условиях довольно сильно пострадал. С ним стало гораздо труднее работать, и теперь огорчают пробелы в тех местах, где должно было быть продолжение текста. Но того, что у нас есть, все равно достаточно, чтобы оправдать смелые заявления в отношении этой рукописи. Нет, она не опровергает христианскую веру, но в ней много сообщений о том, как некоторые люди, жившие во II веке, переиначивали эту веру. А энтузиазм в отношении подобных текстов в свою очередь довольно много говорит нам о том, как хотят интерпретировать эту веру некоторые люди, живущие в XXI веке.

Этот кодекс, который был найден, продан, спрятан, перевозился из одного места в другое и, наконец, обработан, содержит не только Евангелие Иуды, но именно этот текст представляет собой самую важную (по крайней мере, для нас) часть всего кодекса. Полный кодекс получил название Чакас по имени Фриды Чакас Нуссбергер — перекупщицы, которая наконец привезла книгу в Швейцарию и передала ее в надежные руки ученого. Помимо Евангелия Иуды книга содержит версию «Послания Петра Филиппу»³, уже известного нам по рукописям Наг-Хаммади; текст, озаглавленный «Иаков», состоящий из версии «Первого откровения Иакова»⁴, также известного нам по найденному в Наг-Хаммади; и, наконец, ранее неизвестный текст, условно названный «Книга аллогенов»⁵. Это поистине потрясающая находка, над которой ученым предстоит работать много лет, редактируя и интерпретируя текст.

На случай, если кто-то к этому моменту заподозрил подвох, отмечу, что специалисты абсолютно убеждены в подлинности находки. Это не средневековая или современная подделка. Радиоуглеродный анализ подтверждает, что имеющийся у нас список относится к III либо IV веку, причем высока вероятность, что он был написан где-то между 240 и 320 годами н. э.⁶ Способ письма и сам язык — местную разновидность коптского языка, на котором написаны документы Наг-Хаммади — подделать практически

³ Послание Петра Филиппу см.: NH 8 (NHL 394-398).

⁴ Первое откровение Иакова см. в NH 5:3 (NHL 242-248).

⁵ «Аллоген» означает «иноходец»; это одно из имен, данное Сифу, третьему сыну Адама и Евы, который, как мы увидим, является ключевой фигурой гностической мифологии.

⁶ Отчет о результатах радиоуглеродного датирования можно найти в: Н. Krosney, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot* (Washington, DC: National Geographic, 2006), p. 269-274.

невозможно. Большинство ученых считают, что книга была переведена с греческого оригинала, на том основании, что аналогичные предположения обычно делались в отношении очень похожих текстов из Наг-Хаммади и других мест. Правда, мимоходом заметим, что языком оригинала может быть не греческий, а сирийский, на котором были написаны многие подобные документы. Впрочем, изложенное далее, от данного факта не зависит.

Между прочим, велика вероятность того, что это тот самый документ, который упомянул выдающийся богослов конца II — начала III века епископ Лионский Иринея, живший на территории южной Франции. Правда, хотя текст и соответствует описанию Иринея, документ едва ли кто-то мог подделать так, чтобы он согласовывался с его критикой. Во многом он ей противоречит. Вот, что писал Иринея:

И это, учат они, хорошо знал предатель Иуда, и так как он только знал истину, то и совершил тайну предания, и чрез него, говорят они, разрешено все земное и небесное. Они также выдают вымышленную историю такого рода, называя Евангелием Иуды.⁷

Неясно, действительно ли Иринея читал это писание или всего лишь слышал о нем. Далее он говорит, что собрал много гностических текстов, но не упоминает о том, что владеет списком Евангелия Иуды. Также его описание не соответствует полностью имеющейся у нас сегодня книге, поскольку в найденном документе не говорится прямо, что «чрез него разрешено все земное и небесное». Тем не менее упоминание Иуды как единственного апостола, знавшего истину, который именно по этой причине обрек Иисуса на смерть, совершенно очевидно. Это — основная идея, ради выражения которой и было написано Евангелие Иуды.

Но к чему вся суета? Лондонский журналист Дэмьен Томпсон на страницах газеты *Daily Telegraph* объявил, что ортодоксальные христиане, готовящиеся праздновать Пасху, будут огорчены, поскольку новый документ отрицает факт воскресения Иисуса. Другие журналисты взяли на себя смелость заявить, что наконец-то появился действительно древний документ, свидетельствующий о том, что традиционное христианство — это вовсе не то, что все о нем думали. И конечно, многие представители современной западной культуры очень хотели бы услышать такое заявление; поэтому некоторые люди, прочитав подобные сообщения и уловив общий настрой всей этой шумихи, отреагировали так же, как хотелось отреагировать мне, сказав: «Довольно новых евангелий!»

Но позвольте мне внести ясность. Вновь повторю, я счастлив, что у нас есть еще одно свидетельство о Древнем мире и ранних трактовках роли Иисуса и христианской веры. Чем больше у нас будет таких свидетельств, тем лучше мы будем знать нашу историю. Но причины, по которым эта книга была издана

⁷ Иринея, *Против ересей* 1. 31. 1.

как раз накануне Пасхи, да еще и широко разрекламирована по всему миру, совершенно не имеют отношения к стремлению сделать исторические сведения более доступными, но явно имеют отношение к тому, во что многие сегодня хотят поверить — и, как видно, в чем многие желали бы разувериться. И вот, пожалуйста, Герберт Кросни выражает то, что хотелось бы думать многим, то, что некоторые хотели бы подтвердить любыми средствами:

Благодаря именно такой датировке коптского перевода оригинального греческого текста послан евангелия звучит даже еще более убедительно. Если вся секта верила в то, что великое предательство на самом деле произошло по велению Иисуса и было совершено его любимым учеником, то эта интерпретация, после вдумчивого изучения, кажется столь же обоснованной, как версия, изложенная в Новом Завете.⁸

Что именно Кросни имеет в виду под словом «обоснованная» — интересный вопрос, к которому мы еще вернемся. Но прежде чем продолжить обсуждение, нужно охватить взглядом всю философскую систему, к которой (в чем согласны все, кто читал Евангелие Иуды) оно действительно принадлежит. Кем были гностики, и во что они верили?

⁸ H. Krosney, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot*, p. 275.

2. ГНОСТИЦИЗМ II ВЕКА

Как раз когда все больше людей начинают понимать, что в действительности мог представлять собой «гностицизм»... некоторые ученые считают, что следует полностью отказаться от этого понятия. По их мнению, под него пытаются подвести слишком многое: столько различных движений, идей и текстов, что гностицизм как определение становится бесполезным, и скорее может все запутать, нежели прояснить. В любом случае, полагают эти ученые, это понятие не согласуется с представлениями людей, о которых идет речь, о самих себе¹.

Что ж, без сомнения, делать подобные заявления время от времени полезно. Обобщенное обозначение различных групп, верований и писаний действительно может вносить путаницу и стать помехой. Нередко это приводит к искажению исторической реальности. Нам нужно все время быть начеку и помнить о такой опасности. Одно-два десятилетия назад наблюдалась тенденция, согласно которой нельзя было говорить об «иудаизме I века», а только об «иудаист-ских учениях I века». При этом множественное число напоминает нам о существовании нескольких разновидностей иудаизма, о том, что некоторые из них жестко противостояли друг другу, и о том, что сваливать всех их в одну кучу значит заниматься грубым упрощенчеством. Некоторые предполагали подобное и о разновидностях раннего христианства: может быть, заявляли они, следует говорить о христианских учениях во множественном числе. Это достаточно справедливо — в определенной мере.

Но существование разновидностей не означает, что между ними нет ничего общего. Если бы разновидности иудаизма не представляли собой именно типы иудаизма, их нельзя было бы объединить в категорию «иудаистские учения». Это же верно и в отношении гностицизма. Как мы узнаем из новой книги, такие ученые, как Марвин Мейер и Барт Эрман, согласны с использованием термина «гностицизм». Однако при условии, что мы время от времени напоминаем себе, как в случае с постмодернизмом и, конечно, с так называемым новым взглядом на святого Павла, разновидностей учения существует столько же, сколько людей, пишущих о нем; и при условии, что мы позволяем раскрыться голосу каждого текста, нет причин, чтобы отказываться от общего термина. Ириной пишет, что в самом деле

¹ Мнение против понятия «гностицизм» см. в: Michael A. Williams, *Rethinking 'Gnosticism': An Argument for Dismantling a Dubious Category* (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1996). См. также: Karen L. King, *What is Gnosticism?* (Cambridge, Mass.: Belknap Press/Harvard University Press, 2003). А также несколько резкое заявление по этому поводу см. в: P. Mirecki, "Gnosis, Gnosticism" // *Eerdmans Dictionary of the Bible* (ed. D. N. Freedman) (Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 2000), p. 508f.

существовали религиозные группы, называвшие себя «gnostikoi» — «люди знания», и поскольку Иринеи оспаривал их взгляды, то можно предположить, что вряд ли он выдумал этот факт. Даже если, как в случае с понятием «методист», термин «гностики» первоначально был ярлыком, навешиваемым на одну группу другой, которая сама не хотела бы так называться, все равно вполне возможно, даже весьма вероятно, что этот термин быстро стал функциональным обозначением целой тенденции мышления и образа жизни, хотя в широких рамках движения и имелось достаточно места для вариаций и импровизаций.

Евангелие Иуды фактически четко выражает то, что многие годы рассматривалось в качестве базовых принципов «гностицизма». Эта книга ясно демонстрирует их посредством примечательного повествования: диалога между Иисусом и Иудой, кульминацией которого становится веление Иисуса Иуде предать его на смерть, и выполнение Иудой этого веления. Марвин Мейер и Барт Эрман очень красноречиво и содержательно описали представления и верования, о которых ведется речь, и предлагаемый мной конспект в четырех частях не может послужить поводом для ссоры с ними².

1. Самая поразительная отличительная черта гностицизма от основной иудаистской и христианской мысли — глубокий и мрачный дуализм. Воспринимаемый нами мир пространства, времени и материи — во всех отношениях ужасное место, где не только беспрепятственно процветает порок, но которого не существовало бы вообще, если бы его не создал злой бог. Другими словами, существующий мир насквозь пронизан злом. Более того, люди, состоящие из физической материи и живущие в этом порочном пространстве и времени, плохие существа по сути, если только, как мы увидим, внутри этой оболочки из порочной материи не скрывается что-то совершенно другое.

2. Это указывает на следующий важный элемент. Существующий мир был создан порочным, неумным и, возможно, капризным богом. Но есть и другая божественная сущность — чистое, мудрое, истинное божество, полностью отличающееся от этого бога творца. Иногда этого высшего бога называют «отец», что вносит неясность в умы христиан, связывающих это наименование с богом, создавшим мир. С точки зрения гностиков, бог, создавший наш мир, совместно с другими сущностями, возможно приложившими руку к проекту на какой-то стадии, является в лучшем случае заблуждающимся или неумным, а в худшем — просто злым и жестоким.

3. Посему главная цель любого «правильно» мыслящего человека — покинуть порочный мир и полностью прекратить физическое существование. «Спасение» означает именно это: избавление от материального мира и всего, что с ним связано. Только так можно найти путь к чистому, высокодуховному

² См.: Bart D. Ehrman in KMW, p. 82-89; M. Meyer in KMW, p. 137-169.

существованию, и освободившись от пут пространства, времени и материи, достичь блаженства, недоступного тем, кто цепляется за физический мир и по ошибке поклоняется его создателю.

4. Последний элемент не столь очевиден, но он играет центральную роль в гностическом мышлении и в самом деле составляет его неотъемлемую часть, на что указывает слово «гностический» и его производные. Путь к этому «спасению» лежит через *знание*, «gnosis». Не через любое старое знание, и уж конечно не через то знание, которому учат в школе или в приходе. Нет, к этому особому гно-зису приходят через знание об истинном боге, о действительном происхождении порочного мира и, не в последнюю очередь, о собственной подлинной сущности. И это «знание» может прийти, только если кто-то «раскроет» его. Другими словами, требуется «раскрыватель», который явится из запредельных сфер, из чистого верхнего духовного мира, дабы сообщить немногим избранным, что внутри них содержится искра света, божественная сущность, глубоко спрятанная в их непрочной и грубой материальной форме.

Порочный мир; порочный бог, который его создал; спасение, заключающееся в избавлении от мира; и избавление через восприятие тайного знания, особого знания о том, что в тебе есть божественная искра. Таковы четыре главные особенности гностицизма, которые встречаются не только в рассуждениях Ири-нея и других ранних христианских богословов, но и в самих гностических писаниях: в кодексах из Наг-Хаммади и других, а теперь и в Евангелии Иуды.

Но есть еще кое-что. Хотя это и трудно определить, не в последнюю очередь из-за того, что в имеющихся текстах используется кодированный язык, по-видимому, существовали и особые группы «гностиков», среди которых наибольший интерес представляют «сифиане». Согласно Книге Бытия, Сиф был сыном, рожденным у Адама и Евы после того, как Каин убил Авеля³. Именно для этой группы гностиков Сиф был основателем особого «племени» избранных, несущих в себе искры света.

И, по крайней мере, некоторые гностики самого Иисуса рассматривали как «носителя знания». Поэтому и появились тексты, многие из которых были найдены в Наг-Хаммади, в которых собраны речения, будто бы произнесенные Иисусом, а не истории о нем. Авторы или переписчики называли эти книги «евангелиями», хотя, как мы увидим, в отличие от канонических евангелий, они принадлежат к совершенно другому жанру. Иногда эти собрания речений выдают за тайное знание, поверенное Иисусом некоторым самым любимым его ученикам. Иногда их представляют как особые сообщения, будто бы сделанные после воскресения Иисуса (хотя гностикам, что не удивительно, крайне не нравилась идея *телесного* воскресения). Все они, в соответствии с доктриной, представляют собой наставления и способствуют гностическому спасению

³ Упоминания о Сифе см.: Быт 4:25; 5:3.

получателя, т.е. избавлению от уз порочного мира путем обретения знания о своей истинной природе как искры света, о происхождении мира и об истинном боге, сущность которого открывает Иисус и царству которого получатель уже в действительности принадлежит.

Ключевая черта всех таких текстов — полное отрицание основных установок древнего иудаизма. Это удивительно, если учесть, что во многих гностических текстах не только использован и интерпретирован Ветхий Завет, но и, по мнению многих ученых (и не только по этой причине), гностицизм II века возник в иудаистских кругах. Как бы то ни было, в этих текстах иудейский бог регулярно предстает объектом презрения, даже гнева, считаясь (по справедливости, на основании иудаистских писаний) создателем мира, в котором мы живем. Он — порочное и злое божество, совершенно не похожее на высшего истинного бога, и те, кто ему поклоняются, обмануты, так как глупы и невежественны. Барт Эрман пишет:

ученики, поклоняющиеся иудейскому богу творцу, взывая к имени Иисуса, чтобы тот поддержал их, поняли все неправильно. Они не служат истинному Богу, а посрамляют его. И поступая так, они уводят последователей с истинного пути.⁴

Таким образом, в то время как большинство иудеев в течение двух веков до рождества Христова и двух веков после него сосредоточивались на идее наступления царства Божьего на земле, как на небе, и Божьего правосудия, врывающегося в ход истории с благими целями, дабы сберечь созданный порядок от разрушения и разложения и даровать людям обновленные (воскрешенные) тела для светлой жизни в новом мире, без прежних страданий, гностики учили абсолютно противоположному. Они верили, что истинный бог, которому они поклонялись, «находится полностью за пределами этого непостоянного мира страданий и боли, созданного смутьяном и глупцом»⁵.

Вполне возможно, что именно из-за несбывшихся надежд отдельных представителей различных иудаистских движений того периода, мечтавших о царстве Божьем, некоторые иудеи, отчаявшись, принялись пересматривать свои традиции с точностью до наоборот. Подобные идеи всплыли вновь гораздо позднее, в рамках разнородного иудейского движения, известного как каббала. Если попробовать определить конкретный импульс, который мог подтолкнуть людей к новому и такому странному способу интерпретации иудейских традиций, способный объяснить активность в середине II века гностических движений, известных нам по документам, найденным в Наг-Хаммади и других местах, и осужденным Иринеем и другими, то тут есть очевидное предположение: поражение восстания Шимона Бар-Козивы, также известного как «Бар-Кохба» и «Сын Звезды». Римляне подавили это восстание в 135 году,

⁴ КМВ, р. 114.

⁵ Цитата из: Bart D. Ehrman in КМВ, р. 106.

навсегда изменив лицо иудаизма⁶.

Пожалуй, это может объяснить и отчасти циничный способ интерпретации гностиками Ветхого Завета, переворачивающий все с ног на голову. Коль скоро события показали, что Яхве, Бог Израиля, поставил свой народ в безвыходное положение и допустил то, что великая мессианская фигура (сам Бар-Кохба) и выдающийся раввин (рабби Акива, поддержавший Бар-Кохбу и объявивший его Мессией) потерпели такое страшное поражение, значит, возможно, все традиционные представления о том, кто хороший, а кто плохой, искажены. Вероятно, по этой причине во многих гностических текстах герои предстают злодеями, и наоборот: если Бог Ветхого Завета все-таки плохой бог, из-за которого его народ терпит беды, то, может быть, те, кого он осуждал (такие, как Каин), все-таки были хорошими, а те, к кому он был милостив (такие, как Авель), были плохими.

И вот причудливый, перевернутый мир гностических измышлений обретает форму. И в той же степени, в какой иудеи приветствовали гностическое учение, они делали гигантский шаг в сторону от всего, что было типично иудаистским согласно Ветхому Завету, и так называемой межзаветной литературе, и все это продолжало утверждаться в рамках раввинистической мысли. (Раввины, если попытаться обобщить, продолжали поклоняться единому Богу Творцу и взывать к Нему, и даже больше не ждали прихода Его царства, на что надеялись Акива и другие.)⁷

Но были ли гностики в каком-то смысле христианами? Пожалуй, это зависит от того, что имеется в виду. В прошлом столетии было много споров об отношениях между ранним христианством и ранним гностицизмом. Как видно, многие из тех, кого сегодня считают гностиками, называли себя христианами, последователями Иисуса, так что историкам нужно учитывать, что в понятие «христианин» те или иные группы и личности могли вкладывать совершенно разный смысл. Фактически это весьма вероятно.

Однако одна научная теория пошла гораздо дальше, но сегодня о ней мало кто вспоминает. В первой половине XX века многие ученые рьяно пытались доказать, что ранние христиане, и не в последнюю очередь Павел и Иоанн, в действительности *почерпнули* материал для своей зрелой богословской системы, своей интерпретации деятельности Иисуса Назарянина из идей гностицизма. Попытки утверждать это на сегодняшний день практически прекратились, так как есть очень весомые контраргументы, доказывающие, что и Павел, и Иоанн были привержены Ветхому Завету и твердо отстаивали традиционный иудаистский креационистский монотеизм — именно то, что отрицали гностики.

⁶ О восстании Бар-Кохбы см.: N. T. Wright, *The New Testament and the People of God* (=NTPG) (London and Minneapolis, Minn.: SPCK and Fortress Press, 1992), p. 164-166.

⁷ О продолжении раввинами поклонения Богу Творцу см.: NTPG, p. 199f.

Но поскольку Иоанн, Павел и другие авторы Нового Завета (а также те, кого они могли цитировать в ранних христианских гимнах и стихах, включенных в их писания) говорят об Иисусе как о том, кто находится в единстве с вечным уникальным Богом, и о его пришествии в наш мир с целью открыть правду, нетрудно догадаться, что эта история может сослужить очень хорошую службу любому, кто намерен пропагандировать взгляды на мир, отличные от тех, которых придерживались Иоанн, Павел и другие христианские богословы I века. Сохраняй Иисуса ключевой фигурой, великим и могущественным учителем, пришедшим с другой стороны поведать нам правду и спасти нас от тяжелого бремени... и просто измени природу этого бремени (больше не грехи, а материальность), образ Бога (больше не создатель материального мира, Бог Авраама, Исаака и Иакова, а далекая, чистая сущность, не замаранная контактом с творением первого), природу спасения (больше не справедливое царство Божье, рождающееся в рамках вселенной пространства-времени, а полное избавление людей от материального мира)... и вот, пожалуйста, мы по-прежнему последователи кого-то, кого мы зовем «Иисусом», но теперь у нас взгляды на мир и религия без всех этих отвратительных иудейских составляющих. И, как мы увидим, можно не опасаться, что римские власти решат нам возразить.

Поэтому есть вероятность допустить, что по крайней мере некоторые гностики действительно могли считать себя «христианами». Предположительно Ири-нею и другим антигностическим богословам не потребовалось бы так активно противостоять им, если бы гностики не называли себя христианами. Они представляли собой угрозу; они могли пошатнуть веру людей, уводя их в сторону другой веры, согласно которой поклоняются иного рода богу, что выливается в иной образ жизни.

Более того, судя по всему, первые признаки столкновения можно найти на страницах самого Нового Завета. Павел с презрением отзывается о «знании», которое заставляет раздуваться от гордости, в отличие от любви, которая помогает людям становиться сильнее⁸. И кто бы не написал Первое послание к Тимофею (многие считают, что автором был не Павел, а кто-то другой, но оно было написано не позднее 100 года), он предупреждает читателей, чтобы они не уподоблялись тем, кто «преисполнен гордыни и ничего не знает⁹, а только поражен страстью к спорам и словоблудию». Некоторые, пишет автор, пошли по этому пути и прошли мимо истинной веры.

Гностицизм, описанный в текстах Наг-Хаммади и в Евангелии Иуды, фактически представляет собой гибрид. Его базовые положения не соответствуют иуда-истским, однако во многих гностических текстах

⁸ Осуждение Павлом «гнозиса» см. в: 1 Кор 8:1. Есть много аналогичных намеков на этот факт в разных местах Первого послания к Коринфянам.

⁹ 1 Тим 6:4.

использованы и интерпретированы древние иудаистские тексты. В самом деле, как мы уже видели, это учение без сомнения антииудаистское и, как я докажу в дальнейшем, имеет очень мало общего с истинной миссией самого Иисуса Назарянина. Однако при наличии множества богов, религиозных движений и философских школ (многие из них — вариации платонизма с присущим ему дуализмом духа и материи) и учителей, совершенно по-новому комбинирующих существующие идеи, не удивительно, что некоторые авторы и их последователи стремятся использовать имя Иисуса, чтобы распространять и придавать авторитет учениям, сильно отличающимся от его учения. И в истории такое происходило не в последний раз. Все это возвращает нас к тексту, который вызвал столько споров. Что мы знаем об Иуде Искарите, какое отношение к нашей информации имеет Евангелие Иуды?

3. БИБЛЕЙСКИЙ ИУДА И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСКАРИОТ

Евангелие Иуды посвящено только одному ученику Иисуса: Иуде Искариоту. Главное, что известно каждому об Иуде Искариоте, это то, что он предал Иисуса. Но совершал ли он это? И если предал, то почему?

Нам необходимо сделать большой шаг назад и вернуться в очень важный период истории — в начало I века. Четыре канонических евангелия солидарны в том, что Иисус Назарянин выбрал двенадцать особых учеников, предположительно, чтобы провозгласить преобразование древнего народа Божьего, рода Израилева, двенадцати колен, начавшихся (по крайней мере, так считается) от двенадцати сынов Иакова.

Среди этих особых учеников, сообщают нам канонические евангелия, были двое, носившие одно из самых прославленных имен в истории еврейского народа: Иегуда. Так звали четвертого сына Иакова. Форма «Иуда» — просто греческий вариант этого имени. Имя «Иегуда» буквально означает «хвала Господу»; мать Иегуды, жена Иакова Лия, родив сына, объявила, что отныне ему суждено «хвалить» Яхве, Бога Израиля¹. Более того, колено Иегуды стало считаться царским. Царь Давид был потомком Иегуды. Согласно древнему пророчеству, из этого рода должны были произойти истинные цари Израиля². Одним из самых знаменитых иудейских вождей задолго до рождения Иисуса был Иуда Маккавей; хотя он и не принадлежал к колону Иегуды, он возглавил необычайно успешное восстание против язычников сирийцев, очистив Иерусалимский храм. Этого было достаточно, чтобы он смог основать династию, продолжающуюся сто лет. Вероятно, знаменитое имя тоже в этом помогло.

Так что нам не следует удивляться тому, что во многих семьях сыновьям давали имя Иегуда. В любом случае похоже, что у палестинских евреев I века наблюдалась нехватка мужских имен, по крайней мере в соответствии с современными английскими или американскими стандартами. Мы знаем об этом немало благодаря обширным исследованиям израильского ученого Таль Илана, перебравшего кучу древнееврейских надписей, не в последнюю очередь — сделанных на надгробиях и погребальных урнах. Затем эти исследования послужили Ричарду Бокхэму и другим ученым, раскрывшим значение этих имен в раннем христианстве³. Что интересно, в еврейских семьях детям обычно

¹ О рождении Иуды см.: Быт 29:55. Этимология этого имени была достаточно хорошо известна Павлу, чтобы обыгрывать это имя даже на греческом языке. См.: Рим 2:9.

² Пророчества о восхождении царей Израиля см.: Мих 5:2.

³ Чтобы узнать больше об именах палестинских иудеев I века, см.: Т. Пап, *Lexicon of Jewish Names in Late Antiquity: Palestine 330 BCE - 200 CE (Texts and Studies in Ancient Judaism, 91)* (Tubingen: Mohr Siebeck, 2002); R. Bauckham, *Jesus and the Eyewitnesses: the Gospels as Eyewitness Testimony* (Grand Rapids, Mich.: Eerdmans).

не давали имен первых двенадцати патриархов, в отличие от имен, прославивших род Маккавеев (Маттафия, Иоанн, Симон, Иуда, Елеазар и Ионафан)⁴. В указателе сборника трудов древнего иудейского историка Иосифа Флавия можно найти не меньше 21 человека с именем Иисус, 29 человек — Симон и 19 — Иуда.⁵ Один из братьев Иисуса также носил имя Иуда; некоторые предполагают, что он был автором «Послания Иуды», включенного в Новый Завет.⁶

Это объясняет, почему того самого Иуду, который предал Иисуса, постоянно дополнительно наделяют прозвищем «Искарот», хотя нет точных сведений о том, что это прозвище означает (Член группировки «сикариев», т. е. «кинжальщиков», городских террористов? Человек из города Кериоф? Может быть, это производное от слова, означающего «предатель»?) Практически каждый палестинец знал несколько человек по имени Иуда, и хотя родители, выбравшие ребенку такое имя, могли знать о его историческом и патриотическом смысле, в повседневной жизни, услышав его, люди вряд ли сразу думали об Иуде Маккавее, так же как в наше время люди, услышав о человеке по имени Джордж, едва ли сразу подумают об одном из английских королей, носивших это имя, или о Джордже Вашингтоне.

Нам следует помнить об этом, поскольку осуждение христианами предателя Иуды Искариота оставило свой след на столетия, и само имя Иуда (только подумайте, насколько иначе оно звучало бы, если бы мы называли его Иегудой) стало мрачным синонимом предательства. Читатели, достигшие определенного возраста, возможно, помнят момент, когда кто-то прокричал «Иуда» в адрес поэта и певца Боба Дилана за то, что тот посмел использовать на сцене электрогитару, тем самым предав традиции жанра фолк-музыки. И уже когда ранние христиане пересказывали историю Иисуса и его учеников, они перечисляли последних таким образом, что при любом порядке имя Иуды Искариота оказывалось в конце, с комментарием, что он был предателем.⁷

Но конечно, при жизни Иисуса, вплоть до того трагического момента в Гефсиманском саду, никто не думал об Иуде как о предателе. Когда во время Тайной вечери Иисус предупредил учеников, что один из них предаст его (выдав властям их тайное убежище на склоне Елеонской горы — место, где стражники могли практически беспрепятственно арестовать его), никто из апостолов не сказал: «Мы знаем, кто это», и не показал на Иуду. Вместо этого они были неподдельно встревожены: «Уж, наверное, это не я буду, Господи!»

⁴ См.: Матк 2:1-5.

⁵ См.: Мф 13:55; Мк 6:3; Иуд 1.

⁶ Мк 1:13-19; Мф 10:2-4; Лк 6:12-14; Деян 1:13. В двух последних книгах «Иуда, сын Иакова» помещен предпоследним; возможно, это тот же человек, что «Фаддей», в евангелиях от Марка и от Матфея. См. мою книгу: T. Wright, *Jesus and the Victory of God* (London and Minneapolis, Minn.: SPCK and Fortress, 1996), p. 300 n. 214.

⁷ Мф 26:21-25; Мк 14:18-21; Лк 22:21-23; Ин 13:21-30.

Аналогичным образом, когда представители ранней церкви составляли списки Двенадцати и помещали Иуду в конце, с ремаркой о его роли предателя, там не содержалось ни малейшего намека на то, что на эту роль каким-либо образом указывало само имя или что такое имя и факт предательства имели какое-то отношение к принадлежности «иудеям». Сама такая мысль смехотворна. Разумеется, он был иудеем. Как и все остальные.

Причины предательства Иуды остаются неясными. Хочется рассмотреть его на фоне общих иудейских устремлений I века. Фарисеи ожидали прихода царства Божьего и надеялись ускорить его наступление ревностным соблюдением законов. Саддукеи желали сохранения существующего статус-кво. Ессеи удалились в пустыню, чтобы следовать особому учению основателя их секты и ждать всеобщего суда. Представители «четвертой философии», известные как «зелоты», будучи, можно сказать, крайне правым крылом фарисейского движения, вдохновляясь примером пророка Илии, Финееса и героев рода Маккавеев, стремились приблизить наступление царства Божьего с помощью священной войны против ненавистных язычников и тех, кто им потворствовал. Если Иуда был «кинжальщиком», одним из «сикариев», то это указывает на его принадлежность к последнему из четырех перечисленных движений, но мы не можем быть в этом уверены.

Печально известно, что первосвященники заплатили Иуде тридцать серебряников за информацию и содействие, но, хотя есть факты, указывающие на его чрезмерную любовь к деньгам (Иисус назначил его ответственным за общинную казну)⁸, не ясно, получение платы за предательство было его единственным или главным мотивом. Что до его мотивов, то многие пытались заполнить эту брешь самыми разными предположениями: возможно, Иуда сделал это, поскольку был убежден, что Иисус планировал поднять военный мятеж против римлян, и не мог понять, почему после решительных действий в Храме Иисус продолжал проповедовать, вместо того чтобы наращивать свое превосходство. Может быть, он тайно завидовал Иисусу; может быть, он надеялся, что если Иисуса не станет, то появится новое движение за обретение царства Божьего, которому понадобится новый лидер, может быть, некто с историческим царственным именем... и т. д. Мы не знаем, что двигало Иудой, и, вероятно, не узнаем никогда. То же самое касается смерти Иуды: Матфей сообщает, что он повесился, а Лука, что у него лопнул живот, и попытки привести эти две версии в соответствие казались большинству читателей начиная, по крайней мере, с Оригена в III столетии предвзятыми.⁹

В канонических евангелиях есть еще один интересный поворот: Сатана, сообщают они, вошел в Иуду и заставил его предать Иисуса.¹⁰ Это не просто

⁸ О любви Иуды к деньгам см.: Ин 12:6.

⁹ Не сходные друг с другом версии смерти Иуды см.: Мф 27:3-10; Деян 1:18.

¹⁰ О роли Сатаны в предательстве Иудой Иисуса см.: Лк 22:3; Ин 13:2, 27.

означает, что «Иуда был одержим дьяволом», как будто он совершил зло не по собственной воле. Слово «Сатана» на иврите означает «обвинитель»; в Книге Иова «Сатана» предстает генеральным прокурором небесного суда. Иуда играет очень специфическую «обвинительную» роль: именно он произносит «вот этот человек», запустив цепь событий, в результате которых Иисус оказывается перед несправедливым судом и приговаривается к смерти по подтасованным обвинениям. Другие упоминания в Новом Завете не решают очевидной богословской проблемы: если воля Бога заключалась в том, что Иисус должен был погибнуть за грехи нашего мира, и если к этому привело предательство Иуды, то с какой стати его винить? С аналогичной проблемой мы встречаемся и во многих других областях: на ум приходит удивительный роман Джорджа Стейнера, в котором Адольф Гитлер, пойманный охотниками за нацистами в амазонских джунглях спустя много лет после окончания войны и привлеченный к суду, объявляет, что поскольку благодаря его действиям появилось новое Государство Израиль, то может быть, несмотря ни на что, он является Мессией...¹¹ Нас волнует вопрос, как увязать намерение Бога, согласно которому Иисус обрекался на смерть ради искупления грехов мира, с порочностью тех, кто принес ему смерть; но такой вопрос явно не волновал раннюю церковь¹².

Что совершенно ясно из евангелий, так это то, что предательство Иуды никак не связано с его принадлежностью к еврейскому народу. Само предположение об этом совершенно нелепо: Иисус был иудеем, все апостолы были иудеями, их деятельность проходила преимущественно в иудейском обществе, и они возглавляли специфическое, находящееся в рамках иудаизма движение за обретение царства Божьего. Они заявляли — и это было обоснованием деятельности движения, — что благодаря их миссии иудейский Бог осуществляет приход своего царства в соответствии с древними иудейскими пророчествами. Поэтому, если уж на то пошло, решение Иуды расправиться с Иисусом можно истолковать как антииудейскую акцию, отчаянную попытку остановить на полпути это движение за обретение царства Божьего. Но это слишком невероятно. В таком контексте вопрос об этнических (тем более, расовых) предрассудках просто анахроничен.

И аналогичным образом, достаточно лишь задуматься, чтобы увидеть, насколько смехотворно предполагать, как это сделал один нынешний апологет иудаизма, будто Иуда Искариот на самом деле — вымышленный персонаж, придуманный ранними христианами, чтобы взвалить вину за все «на евреев». Также нелепо утверждение еще одного ученого, что Иисус выбрал Иуду своим посредником для организации тайной конфронтации с властями и что все

¹¹ G. Steiner, *The Portage to San Cristobal of AN*. (London: Faber, 1981).

¹² См. также: Деян 2:23.

просто пошло крайне неудачно¹³.

Безусловно, история предательства Иуды никак не может быть выдумкой ранних христиан. Его образ слишком прочно вплетен в материал самых ранних письменных источников. И (поскольку, пока не прошло несколько веков, никто не собирался превращать его в шаблонный «еврейский» объект для ненависти) у ранних христиан не было причин смущаться, узнав, что человек, предавший Иисуса, принадлежал к их кругу. Нет. Иуда Искариот — историческая фигура, хотя (как в случае с множеством исторических персонажей, включая некоторых современных) мы не можем быть уверены, что понимаем мотивы его поступков. Однако у нас нет веских причин сомневаться в том, что Иуда действительно был одним из двенадцати апостолов, или в том, что он действительно привел представителей власти под покровом темноты туда, где Иисуса можно было арестовать без помех.

В свете недавно обнаруженного Евангелия Иуды интересно отметить, что в древних писаниях помимо Нового Завета встречаются еще упоминания об Иуде в том же гностическом ключе. Впрочем, во всех них Иуда изображен сугубо негативно. В книге «Деяния Фомы» III века описывается, как дьявол хвалится тем, что надумил Иуду предать Христа. В книге содержится предупреждение читателям, чтобы те не поддавались алчности, из-за которой их судьба может стать подобной. В других легендах, появившихся примерно в тот же период, говорится, что Иисус встречается с Иудой в аду и осуждает его за поклонение дьяволу под личиной змеи¹⁴. Ввиду всего этого еще более примечательным выглядит тот факт, что в Евангелии Иуды все перевернуто, и Иуда предстает в нем героем. Какой в этом может быть смысл?

Главное, о чем нужно знать, приступая к рассмотрению нового документа, это то, что Иуда в самом деле в нем герой — но история совершенно другая. Это история не о Боге Израиля, создающем свое царство на земле, как на небе, освобождающем Израиль и открывающем эпоху справедливости и мира. Это история не об Иисусе, взваливающим на свои плечи весь груз мирового зла, умирающим, чтобы зло исчезло, и возносящемся, чтобы положить начало новому миру. В Евангелии Иуды говорится не о спасении *для* этого мира, а лишь о спасении *от* этого мира. В этом евангелии сам Иисус — первый, кто обретает «спасение», освобождается от пут материального тела. И *Иуда предстает героем, потому что Иисус велит помочь ему обрести это самое спасение.*

¹³ См.: Н. Maccoby, *Judas Iscariot and the Myth of Jewish Evil* (New York: Free Press, 1992); W. Klassen, *Judas: Betrayer or Friend of Jesus?* (Minneapolis, Minn.: Fortress, 1996).

¹⁴ Подробности ранних легенд об Иуде см. в: W. Kassen, "Judas Iscariot"//*Anchor Bible Dictionary*, ed. D. N. Freedman (New York: Doubleday, 1992), 3. 1095. Другие примеры см. в: J. M. Robinson, *The Secrets of Judas: The Story of the Misunderstood Disciple and his Lost Gospel*, ch. 3.

Таков особый — и совершенно поразительный — подход, выраженный в новом документе, ко всей истории Иуды Искариота. В отличие от многих гностических «евангелий», эта книга представляет собой нечто большее, чем просто собрание изречений Иисуса. В ней есть определенный сюжет со специфической развязкой. Но весь сюжет завязан (в отличие от евангелий от Матфея, Марка, Луки и Иоанна) не на пророческих обещаниях о пришествии царства Божьего, а на гностической философии, уже рассмотренной нами ранее. С самого начала в книге есть четкое разграничение между двумя группами людей и «богом», которому они поклоняются. Сразу становится понятно, что одна группа — это апостолы (кроме Иуды), поклоняющиеся Богу Творцу, Богу Израиля, а вторая группа — это как минимум Иисус и Иуда. Они знают, что Бог Творец, Бог Израиля, сущность более низкого ранга, которую можно презрительно называть «Саклас» («глупец»)¹⁵. Они принадлежат к «великому поколению», «поколению Сифа» — т. е. к поколению людей, узнавших, что в них есть настоящая божественная искра, и которые, просветившись этим знанием, могут равнодушно смотреть на происходящее в физическом мире и ждать счастливой бестелесной жизни в будущем, даже если в настоящем они отвергаются теми, кто по-прежнему поклоняется Богу Творцу.

Поэтому-то Иисус и смеется над теми, кто все еще остается невеждой. Этот нюанс Евангелия Иуды привлек внимание ученых, и некоторые даже предполагали, что в этом документе, в отличие от мрачноватых канонических евангелий, Иисусу присуще чувство юмора¹⁶. Если ответить на это в том же ключе, как это было сделано в прессе, что канонические евангелия на самом деле полны причудливого юмора (верблюды, проходящие через игольные ушки, Иисус, придумывающий забавные прозвища ученикам, и т. д.), то можно упустить суть. Иисус смеется в Евангелии Иуды не над «слабостью учеников и абсурдом человеческой жизни», как предполагает Мейер, повинувшись капризу моды; Иисус открыто и презрительно высмеивает апостолов за то, что они по-прежнему поклоняются Богу Творцу, причем совершая таинство евхаристии¹⁷. Он вновь смеется над ними, когда они спрашивают о «великом поколении», в которое им практически никогда не войти¹⁸. И еще он смеется над блужданием звезд, которым предстоит быть уничтоженными, что предположительно относится и к людям, пребывающим в своем земном заблуждении¹⁹. Должен оговориться, что попытки интерпретировать эти места так, будто они

¹⁵ Об упоминаниях Бога Израиля под прозвищем «Саклас» см.: Иуд 51-53; КМВ, р. 37-39.

¹⁶ Мнение об Иисусе, описанном в «Евангелии от Иуды», см.: М. Meyer in КМВ, р. 4; R. Kasser in КМВ, р. 75f.

¹⁷ О том, как Иисус насмехается над своими учениками, см.: М. Meyer in КМВ, р. 4; Иуд 34 (КМВ, р. 21); Иуд 36f (КМВ, р. 24).

¹⁸ Иуд 36f (КМВ, р. 24f).

¹⁹ Иуд 55 (КМВ, р. 42).

указывают на дружелюбие, благожелательность и жизнерадостность такого «Иисуса», излучающего божественную мудрость, в отличие от мрачной страдающей фигуры, изображенной в канонических евангелиях, в лучшем случае можно назвать односторонними, а в худшем — упрямым нежеланием понять, о чем же в действительности идет речь в тексте²⁰.

Кроме того, игнорируется глумливое свойство этого смеха, очевидно параллельное тексту из Наг-Хаммади, известному как «Апокалипсис Петра». Там «реальный Иисус» смеется во время распятия, потому что на кресте висит другой, всего лишь плотский «Иисус», которого распинают вместо настоящего. Здесь текст вполне красноречив: «реальный Иисус» презрительно насмехается над неведением тех людей, которые «рождены слепыми» — т. е. над простыми людьми, не имеющими возможность увидеть «духовную истину». Его смех язвителен; это — реакция посвященного на тех, кто не знает того, что знает он²¹. Очень похожий момент есть в книге, названной «Второй трактат великого Сифа»²² — еще одном тексте из библиотеки Наг-Хаммади. Иудаистский ученый Гай Струмса резюмирует его так:

Иисус смеется, глядя на глупость «правителей» — ангелов зла. Они действуют по велению бога Сакласа, Бога Израиля, создателя нашего порочного материального мира. Саклас и его приспешники намереваются распять Иисуса, но им удается лишь убить его материальное тело, пустую оболочку, которую этому освободителю духа удалось успешно покинуть до наступления беды. И поэтому Иисус смеется.²³

Странно то, что Мейер, как и Илейн Пейгльс прекрасно все это знает²⁴. Но тогда почему он и другие пытаются использовать идею смеха, чтобы выставить такого «Иисуса» дружелюбным и привлекательным? Это — важный вопрос, и попытку ответить на него я отложу до следующей главы.

Все это подводит читателя к кульминации истории, наступающей, когда Иисус сообщает Иуде, что тот должен передать его в руки властей, чтобы через смерть он смог покинуть этот ужасный материальный мир, человеческую сущность и стать духовным существом, каким он на самом деле и является:

Сказал Иисус: «Истинно говорю я тебе, Иуда, что приносящие жертву Сакласу [...] Бог [утрачено три строки] всякие злые дела. Ты же превзойдешь их всех, ибо человека, который носит Меня в себе, ты

²⁰ См. также: Н. Krosney, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot*, p. 278.

²¹ Параллели в текстах Наг-Хаммади см.: Апокалипсис Петра 81-83 (NHL, p. 344).

²² NH 56:6-19.

²³ Guy G. Stroumsa, *Haaretz*, 1 April 2006.

²⁴ Эту дискуссию см. в: E. Pagels, *The Gnostic Gospels* (New York: Random House, 1976), p. 91f.

*принесешь в жертву».*²⁵

«Человека, который носит Меня в себе»: это — ключевая фраза; она отражает саму природу истории, в которой Иуда оказывается скорее героем, нежели злодеем. Редакторский комментарий к тексту написан прямо и по существу:

Иисус поручает Иуде помочь ему, принеся в жертву плотское тело («человека»), который носит в себе истинную духовную сущность Иисуса. Смерть Иисуса, наступающая при содействии Иуды, воспринимается как освобождение внутренней духовной личности. [...] Сделав смерть возможной для Иисуса, Иуда позволяет божественной искре внутри Иисуса покинуть материальные оковы в виде его тела и вернуться в небесное обиталище. Иуда — герой, а не злодей.²⁶

Другими словами, автор этого текста поступил с Иудой — «злодеем» евангельского повествования — так же, как другие гностические авторы — с Каином — «злодеем» первых глав Книги Бытия. Выраженное таким образом мировоззрение совершенно ясно и понятно. Более того, едва ли что-то может являть собой более полную противоположность мировоззрению канонических евангелий, да и всему христианству I века, о котором у нас есть прямые свидетельства.

Но есть еще кое-что. В свое время Иуде предстоит последовать за Иисусом. Конечно, ему будет трудно это сделать; все остальные апостолы отвергнут его, и он станет «тринадцатым», а его место среди Двенадцати займет кто-то другой²⁷. Но способ ухода Иуды из материального мира состоит в следовании его звезде, той звезде, которая ведет в Небесное царство:

«И тогда поднимется образ великого поколения Адама, ибо до неба и земли и ангелов пребывает это поколение благодаря зонам. Вот, тебе рассказано все. Подними свои глаза, и ты увидишь облако и свет, который в нем, и звезды, окружающие его, и звезду путеводную. Это твоя звезда».

Иуда же поднял глаза, увидел светлое облако, и вошел в него. Стоящие на земле услышали исходящий из облака голос, говоривший:

²⁵ Иуд 56 (КМВ, р. 45).

²⁶ КМВ, р. 43 п. 137; Доктор Джон Диксон из Сиднея (Австралия) полагает, что в данном тексте (несмотря на уверения редакторов и комментаторов) нет эпизода, когда Иисус велит Иуде передать его властям. Вот почему это может быть лишь предположением, но предположением с оценочным комментарием: передав его властям, Иуда «превосходит их всех».

²⁷ См.: Иуд 44, 46 (КМВ, р. 31-33).

[...] великое поколение [...] образ [...]»²⁸.

Этот фрагмент уже вызвал появление некоторых комментариев — как по поводу древнего происхождения идеи, что каждый человек (или, по крайней мере, каждый «просвещенный» человек) имеет свою собственную звезду, так и по поводу значения такой идеи для современности. И в самом деле, по поводу этой сцены в повествовании Кросни заявляет, что данному эпизоду «присущ столь же мощный драматизм, какой содержится в канонических евангелиях»²⁹. Мейер указывает, что идея наличия у каждого человека «родной звезды» принадлежит к космологии того же рода, что и в диалоге Платона «Тимей». Она имеет некоторое сходство с идеей «астрального бессмертия» — представления, популярного в Древнем мире, да и в современном тоже (когда погибла принцесса Лиана, то в некоторых некрологах выражалась вера в то, что она покинула мир, чтобы либо присоединиться к собственной звезде, либо даже *стать* звездой)³⁰. Но по-настоящему красноречив комментарий Герберта Кросни в конце его книги о Евангелии Иуды. По его словам, идея, содержащаяся в этой книге,

... переворачивает с ног на голову давнее и общепринятое представление о том, что Иуда предал своего учителя, и потому книга призывает нас пересмотреть учение Иисуса. Следование за собственной звездой — идея, сегодня столь же актуальная, как и в те времена.³¹

Вот что мы имеем: спасение путем самоанализа или, возможно, спасение по методу Синатры [«Я поступал по-своему» (строка из песни Фрэнка Синатры «My Way»)]. Хочется задать вопрос, действительно ли были нужны такие усилия и расходы, чтобы мы смогли узнать, что некий писатель II века заявляет то, во что многие люди в США и в других странах верят и так? Мне это напоминает кульминацию мюзикла «Звездный экспресс», где в конце зрителям открывают тайну: «внутри тебя горит звездный свет!»

Конечно, такое сравнение несправедливо, поскольку рассматриваемый нами текст гораздо более тонкий по содержанию. Но оно указывает на нечто, свойственное той культурной и религиозной атмосфере, в которой Евангелие Иуды было опубликовано, и наводит на вопрос, касающийся как самого текста, так и его интерпретаторов. Но прежде чем мы зададимся этим вопросом, нам обязательно нужно снова вернуться к тексту евангелия, в частности, к

²⁸ Иуд 57f (KMW, p. 43f). Квадратные скобки обозначают значительные пробелы в тексте.

²⁹ H. Krosney, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot*, p. 293.

³⁰ Платон, *Тимей*. Об «астральном бессмертии» см. мою книгу: T. Wright, *The Resurrection of the Son of God* (London and Minneapolis, Minn.: SPCK and Fortress, 2003), p. 57-60, 110-12, 344-6.

³¹ H. Krosney, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot*, p. 299f.

рассуждениям космологического характера.

Даже при том, что Барт Эрман, комментируя Евангелие Иуды, хочет, чтобы этот документ рассматривали как замечательный текст, достойный пристального внимания из-за содержащейся в нем новой и ценной информации, тем не менее вынужден признать, что некоторые части текста «чрезвычайно запутанны и причудливы», а также «приводят в замешательство»³². По определенным строкам можно составить четкое впечатление (квадратные скобки обозначают места, где текст отсутствует полностью или частично):

И был Адамас в первом облаке света, в том, которого не видел ни один ангел из тех, кого все называют богами. И [...] этот [...] образ [...] и по подобию этих ангелов. Он явил нетленное поколение Сифа [...] двенадцати [...] двадцать четыре [...] Он явил семьдесят два светила из поколения нетленного по воле Духа, и семьдесят два светила явили триста шестьдесят светил из поколения нетленного по воле Духа, чтобы стало их число — пять для каждого. И это их Отец.

Двенадцать эонов двенадцати светил, и во всяком зоне шесть небес, чтобы стало семьдесят два неба семидесяти двух светил. И в каждом из них пять твердей, чтобы стало всего триста шестьдесят твердей. Дана им власть и великое воинство ангелов бесчисленное для прославления и служения [...] еще девы духовные для прославления и служения всем зонам и небесам и твердым.³³

Когда я впервые прочитал приведенный и некоторые подобные ему фрагменты, мне это кое-что напомнило. Признаюсь, здесь есть личный интерес: будучи епископом, я регулярно получаю письма, написанные в таком же стиле. Некоторые письма написаны от руки и в основном зелеными чернилами. Другие же письма напечатаны и состоят из множества страниц с бесконечными космологическими спекуляциями, в которых все чаще встречаются слова с заглавными буквами или подчеркнутые. Я был бы абсолютно не прав, если бы заключил, что аналогичные рассуждения автора Евангелия Иуды можно поставить в один ряд с несусветно запутанными блужданиями нынешних умов. Он лишь иногда погружается в эти дебри, и отчасти его можно оправдать, зная, что вопросы, кажущиеся непонятными нам (за исключением, пожалуй, некоторых из моих корреспондентов), вполне могли быть очевидны для его читателей. [Однако я не настолько оптимистичен в отношении комментариев Мейера (надеюсь, он меня извинит). Мейер цитирует книгу «Три версии предательства Иуды» Хорхе Луиса Борхеса и делает вывод, что все сводится к вопросам политики: если бы мировое господство принадлежало Александрии, а

³² Bart D. Ehrman in KMW, p. 86, 105.

³³ Иуд 49f (KMW, p. 35f).

не Риму, то мы все воспитывались бы как раз на таком писании.]³⁴ Впрочем, это не особенно подкрепляет подразумеваемый тезис, который Мейер, Эрман и другие всерьез и невзирая ни на что пытаются выдвинуть и который сводится к тому, что Евангелие Иуды — это именно документ, необходимый, чтобы можно было отказаться от традиционной ортодоксии ради чего-то более интересного.

Есть еще много чего, что можно сообщить о самом документе. Но все это будет сказано далее, когда мы будем рассматривать два главных вопроса, стоящих сейчас перед нами. Во-первых, что мы можем сказать о взаимосвязи этого нового евангелия и канонических евангелий — а также остальной частью раннего христианского учения? И во-вторых, что мы можем сказать о том энтузиазме, с которым представляют новую находку Мейер, Эрман и их коллеги?

³⁴ Объяснения Мейера см. в: KMW, p. 7f.

4. КОГДА ЕВАНГЕЛИЕ ВОВСЕ НЕ ЕВАНГЕЛИЕ?

Как только Евангелие Иуды вышло из печати, в прессе появилась статья доктора Саймона Гетеркоула из Абердинского университета, в которой он заявил, что публикация евангелия напоминает предъявление документа, выдаваемого за дневник королевы Виктории, в котором она рассуждает о книге «Властелин колец» и своей коллекции компакт-дисков. В моей проповеди, прочитанной через шесть дней после выхода евангелия, я дал аналогичную иллюстрацию: это что-то вроде находки документа, якобы протокола военного совета Наполеона с его генералами, на котором Наполеон говорил об атомных подводных лодках и бомбардировщиках В-52. Другими словами, любой, кто знает исторический контекст событий, непременно должен понимать, что Евангелие Иуды никоим образом не может рассказать нам о реальной исторической фигуре Иисуса Назарянина. А также, если уж на то пошло, и о реальной исторической фигуре Иуды Искарюта. Мы имеем всего лишь повествование о том, как вымышленный персонаж по имени Иисус беседует с вымышленным персонажем по имени Иуда о таких вещах, которые реальный Иисус и реальный Иуда не смогли бы понять, а если бы и поняли, то сочли бы их неактуальными для идеи «царства Божьего», бывшей их общей целью и жизненной миссией.

Эта мысль очень хорошо подтверждена замечаниями о Евангелии Иуды, сделанными Джеймсом М. Робинсоном на страницах журнала *Newsweek* 17 апреля 2006 года. Эта новая книга, заявляет он,

ничего не сообщает нам об историческом Иисусе и ничего не сообщает об историческом Иуде. В ней говорится лишь о том, что спустя сто лет гностики делали с историей, почерпнутой ими из канонических евангелий.¹

Конечно, не исключено, что Робинсон, будучи ученым, был огорчен, когда писал эту статью, что просматривается в его следующей фразе: «Я думаю, что покупатели с отвращением выбросят эту книгу». Робинсон, как мы уже знаем и чему находим подтверждение в книге Кросни, а также в книге самого Робинсона, страстно желал отредактировать и опубликовать Евангелие Иуды и был горько разочарован, когда книга была отправлена швейцарскому ученому Родольфу Кассеру². Но тот факт, что у Робинсона могли быть иные

¹ J. M. Robinson, *The Secrets of Judas: The Story of the Misunderstood Disciple and his Lost Gospel*, p. 75. Далее Робинсон высказывается аналогично о «Евангелии от Филиппа», «Евангелии от Египтян» и «Евангелии Истины».

² См.: Н. Krosney, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot*, p. 135f, 155, 242, 245; J. M. Robinson, *The Secrets of Judas: The Story of the Misunderstood Disciple and his Lost Gospel*, p. Ill, 130, 160f.

причины заявить именно то, что он заявил, не означает, что сказанное им — неправда. Его заявление очень важно; и оно относится также ко множеству тех текстов, которые Робинсону все-таки довелось собрать и обработать — имеются в виду кодексы библиотеки Наг-Хаммади.

Я уже много и подробно писал в других своих книгах об историческом контексте жизни Иисуса Назарянина, так что повторять здесь этот материал нет необходимости³. Даже при том, что детали моего собственного описания оспариваются некоторыми учеными — и, конечно, поводов для разногласий тут всегда будет достаточно, — я уверен, что позиция большинства научного сообщества в отношении жизни Иисуса оставила далеко позади представителей «Семинара по Иисусу» с их буйной фантазией и попытками представить «объективный» портрет Иисуса путем противопоставления серьезным данным концепций, уже признанных чрезмерно упрощенными. Аналогичным образом, оказалось не так просто, как некоторые думали, сконструировать исторически достоверного «Иисуса» из фрагментов гностических евангелий — таких, как Евангелие от Фомы, даже если допустить, что они действительно древние, в чем по-прежнему многие сомневаются, несмотря на громкие, порой негодующие возражения. Как ни крути, Иисус остается фигурой палестинского иудаизма первой трети I столетия нашей эры, а вовсе не учителем, поверявшим некую тайную мудрость на манер буддийского гуру или гностического «хранителя истины».

В частности, Иисус и созданное им движение оставались яркими приверженцами идеи «царства Божьего», которая, хотя и была видоизменена соответственно особым воззрениям Иисуса, тем не менее относилась к области иудаистских эсхатологических и пророческих ожиданий I века. То есть Иисус верил не в то, что мир пространства, времени и материи был огромной ошибкой, совершенной второстепенным, некомпетентным и злобным божеством, а в то, что наш мир создан Богом Авраама, Исаака и Иакова, истинным и единственным Богом, и в то, что этот Бог подводил историю — историю мира, историю Израиля — к великой кульминации, через которую он должен был установить свою верховную и милостивую власть над миром ради этого мира. Для Иисуса приход Божьего царства вовсе не сводился к тому, что людей должны были забрать из порочного мира и спасти, переместив в иной мир. Суть молитвы, данной Иисусом своим последователям, составляет просьба о наступлении царства Божьего, и о торжестве Божьей воли «на земле, как на небесах» — а ведь такие слова привели бы в ужас любого сколько-нибудь уважающего себя гностика, включая, разумеется, автора Евангелия Иуды. Мы обязательно должны иметь это в виду, рассматривая все изложенное

³ О подробностях жизни Иисуса в историческом контексте см.: T. Wright, *Jesus and the Victory of God (Christian Origins and the Question of God. Vol. 2)* (London and Minneapolis, Minn.: SPCK and Fortress, 1996); *The Challenge of Jesus* (London and Downers Grove, 111.: SPCK and IVP, 2000).

далее.

Итак, что мы можем сказать о сравнении, которое нам предлагается сделать, рассмотрев использование слова «евангелие» — т. е. о сравнении между Евангелиями от Матфея, Марка, Луки и Иоанна — и Евангелием Иуды, а также, если уж на то пошло, «от Фомы», «от Филиппа», «от Петра», «от Марии» и другими? Это — сложный вопрос, его детальное исследование займет чересчур много времени и места. Хотя ряд важных моментов необходимо отметить.

Главное отличие между каноническими и гностическими евангелиями состоит в том, что первые имеют преимущественно повествовательный характер, а само учение излагается разрозненно в рамках общего сюжета, достигающего яркой кульминации, между тем как вторые (такие, как Евангелие от Фомы) представляют собой просто сборники высказываний, расположенных либо в таком порядке, чтобы их было легко запоминать или размышлять над ними, либо в какой-либо тематической последовательности. Как я прежде часто отмечал, главная разница в том, что канонические евангелия представляют собой *вести*, а Евангелие от Фомы и другие — *поучения*. В канонических евангелиях рассказывается о *происходящих* событиях, благодаря которым мир изменился. В Евангелии от Фомы и подобных ему текстах содержатся рассуждения и поучения о том, как тому или иному человеку следовать особой духовной практике и с ее помощью достичь блаженного бестелесного существования. В этом смысле, хотя гностические документы часто именуется «евангелиями», они явно принадлежат к другому жанру.

На это достаточно непредвзято указал Джеймс М. Робинсон, которому за последние пятьдесят лет больше, чем кому бы то ни было еще, доводилось обрабатывать, интерпретировать и издавать подобные тексты. Он пишет:

...ясно, что вряд ли Евангелие от Фомы замышлялось его автором или составителем как *евангелие*. Скорее всего, он мог бы называть его собранием *высказываний*. Но впоследствии, чтобы книга была признана церковью как писание, стоящее в одном ряду с евангелиями, объявленными каноническими и становящимися частью зарождавшегося Нового Завета, данное собрание *высказываний* начали называть *евангелием*.

Такое различие не случайно с религиозной или богословской точки зрения. Авторы гностических евангелий не верили в то, что *происходящее* изменило мир. В гностических евангелиях, в отличие от канонических, не прослеживается интереса к событиям как таковым и к биографии Иисуса. (Одно из больших достижений новозаветной науки за последние десятилетия заключается в установлении того, что канонические евангелия следует считать образцом античной биографической литературы. Они представляют собой

нечто гораздо большее, но уж точно не меньшее, чем это.)⁴ Что бы ни совершал «Иисус» гностических «евангелий», главное — то, что он явился не для спасения мира, не для его исцеления или изменения, а чтобы поведать тайное учение о том, как покинуть него.

В частности, ни одно из двух очевидных значений слова «евангелие», бытовавших в I веке, не имеет отношения к гностической доктрине. Отсылка к строкам о благовестнике из Книги Исайи, пришедшем сообщить Иерусалиму, что его долгие беды закончены, и что Бог, наконец-то, воцаряется, это именно то, что противно гностикам⁵. И более широкое использование в I веке слова «евангелие» для прославления римского императора и его империи тоже не имеет никакого отношения к гностицизму. Собственно, как я отмечу далее, это может наводить на некоторые предположения.

Все это верно, и беглый просмотр любого гностического «евангелия» подтвердит рассмотренную выше точку зрения: как правило, гностические евангелия представляют собой сборники поучений, а не последовательные повествования. Однако у этого правила есть исключения, и Евангелие Иуды — одно из них — во всяком случае, в какой-то мере. (Следует также упомянуть о существовании других «евангелий», несколько более схожих с каноническими. Например, Евангелие от Назарян выглядит более-менее ортодоксальным по своему посылу; по крайней мере, так считал Иероним Стридонский, писавший о нем.)

Еще одно исключение из правила, согласно которому неканонические «евангелия» представляют собой сборники поучений, это так называемое Евангелие от Петра, которое нельзя поставить в один ряд ни с Евангелием от Фомы, ни с каноническими евангелиями. В нем содержится странная, в чем-то сюрреалистическая, версия рассказа о страстях и воскресении, описанных в канонических евангелиях (попытки утверждать, будто оно написано независимо от них, в настоящее время в основном считаются несостоятельными). По мнению некоторых ученых, в нем есть элементы гностицизма (Иисус на кресте не чувствует боли). Кроме того, этому евангелию свойственны сильные и последовательные антииудейские тенденции, которые, как мы уже видели, могли быть близкими гностицизму с характерным для него обесцениванием материального мира⁶. В частности, что идет вразрез с каноническими писаниями, Евангелие от Петра — именно потому, что в нем ставятся ни во что иудейские истории о библейских пророчествах — никак не

⁴ О соотношении жанров евангелия и античной биографии см.: Richard J. Burridge, *What Are the Gospels? A Comparison with Graeco-Roman Biography* (Cambridge: Cambridge University Press, 1992).

⁵ Ис 40:9; 52:7.

⁶ См.: J. K. Elliott (ed.), *The Apocryphal New Testament* (Oxford: Clarendon, 1993), p. 150-158. Справедливости ради следует отметить, что некоторые ортодоксальные богословы II и III веков писали, что мученики не чувствуют боли.

объясняет, что смертью и воскресением Иисуса реально *достигается* какая-то цель, разве что таким образом демонстрируется вина еврейского народа и то, что он заслуживает наказания. Согласно Евангелию от Петра, достигается лишь то, что Иисус «возвестил усопшим»⁷. Но что именно это значит, откуда взялась такая идея, да и как вообще распятием Иисуса было достигнуто это «возвешение», остается неясным. Таким образом, это писание представляет собой «вести» в том смысле, что в нем описываются происходившие события, включая необычную сцену воскресения, в которой Иисус выходит из гробницы, поддерживаемый двумя юношами, а за ними следует крест. Но в тексте, существующем лишь в виде фрагмента, не объясняется, по какой причине он мог бы быть *благой* вестью, «euangelion», «евангелием».

Возможно, здесь, в каком-то смысле, может помочь Евангелие Иуды. Если предположить, что материальный мир — место порока, скорби и бедствий, из которого людям необходимо сбежать, так же как и от глупого бога, создавшего его, значит, можно считать «благой вестью» то, что Иисус поручил одному из своих учеников предать его на смерть — не для того, чтобы он своей смертью смог искупить грехи мира, а чтобы смог указать путь из материального мира к бестелесному существованию на небесах.

Именно это заявляют те, кто рассматривал и комментировал Евангелие Иуды. Предательство Иудой Иисуса вместо того, чтобы быть прелюдией к кульминации, как в канонических евангелиях, само по себе есть кульминация повествования: не смерть и воскресение Иисуса, а добросовестный поступок его самого близкого соратника и верного последователя, того, кто отправил его навстречу смерти, чтобы он смог вернуться в свою небесную обитель.⁸

Иуда, получив повеление принести в жертву «человека, который носит Меня в себе», не мог не сделать этого «для своего друга и единомышленника, и поэтому он предает его. Это — благая весть Евангелия Иуды»⁹. Но совершенно очевидно, что все пространное повествование в целом, кульминация которого — эпизод предательства, никак не может быть историей, рассказываемой евреями I века, ждущими царства Божьего, историю Бога Авраама, дающего обетования через своих пророков, обещания освободить Израиль и воцариться как на земле, так и на небесах; скорее, оно представляет собой историю, излагаемую гностиками II века — историю о высшем божестве, превосходящем порочного бога Израиля, создавшего мир, и позволяющем людям под руководством некоей таинственной фигуры открыть внутри себя истинный божественный свет и таким образом освободиться от установленного порядка, от физического тела и от всех бед, связанных с материальным миром. Так что с

⁷ О том, как Иисус «возвестил усопшим», см.: Евангелие от Петра 10:41f. [J. K. Elliott (ed.), *The Apocryphal New Testament* (Oxford: Clarendon, 1993), p. 157]. Похоже, что эта тема связана с фрагментом в 1 Пет 3:19, который крайне трудно интерпретировать.

⁸ См.: Bart D. Ehrman in KMW, p. 102.

⁹ См.: M. Meyer in KMW, p. 167.

точки зрения канонических евангелий Евангелие Иуды — это дктиевангелие: история о получении новости, которую можно считать хорошей, только если перевернуть представления о мире с ног на голову. Это что-то вроде прихода в лагерь военнопленных улыбающегося посланника, сообщающего о том, что война выиграна — да вот только выиграла ее *другая* сторона, и все военнопленные будут убиты.

Стало быть, если поставить Евангелие Иуды в один ряд с Евангелиями от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, то легко увидеть, что в них есть такого, чего нет ни в одном из гностических евангелий: через них проходят три темы, по-разному сформулированные, но богословски согласованные.

Во-первых, в канонических евангелиях повествуется о том, что долгая история отношений Бога и Израиля достигла predetermined Богом кульминации, причем под «Богом» подразумевается, конечно, Бог Творец, Бог Авраама, Исаака и Иакова. В канонических евангелиях это излагается различными способами — как в плане формы, так и в плане содержания, — но для каждого из них — это одна из главных тем. И, конечно, эту тему авторы «альтернативных» евангелий, в том числе «от Фомы» и «от Петра» стремились полностью исключить. В подобных собраниях логий эта тема исключается самой литературной формой текстов, поскольку в них просто нет повествования, никак не освещается история Израиля, отсутствуют чаяния обещанного, которое, наконец, исполняется. К тому же, в Евангелии от Фомы и других неканонических евангелиях порой просматривается желание устранить эту тему целенаправленно: «Я разрушу этот Храм, — говорит «Иисус» Евангелия от Фомы, — и нет никого, кто сможет построить его еще раз»¹⁰. Иудаизм и его институты ни во что не ставятся. В этом отношении у гностических евангелий и их канонических предшественников просто нет никакой общей основы.

Во-вторых, канонические евангелия излагают историю публичной деятельности Иисуса таким образом, чтобы обрисовать основные черты будущей жизни его последователей, ступивших на «стезю» (как это изначально называлось), тех людей, которые стали известны как «христиане», т. е. «люди Мессии». Такова правда, скрывающаяся под давним, явно переоцененным утверждением сторонников «метода анализа форм»: будто материал евангелий — как отдельных фрагментов, так и всего содержания — был оформлен, по крайней мере, отчасти, в соответствии с потребностями зарождавшейся церкви.

Это не означает, что материал был целиком выдуман. Я и другие ученые часто и аргументированно говорили об этом. Новый Завет во многом исторически достоверен и в нем отсутствуют темы, которые должны были быть, если бы авторами руководили мотивы, о которых говорят критики. Очевидный пример — тема обрезания: мы знаем, что по этому поводу в ранней

¹⁰ Эта версия высказывания о «Храме» взята из «Евангелия от Фомы» 71.

церкви возникло одно из самых серьезных разногласий, однако никому не пришло в голову сфальсифицировать «высказывание Иисуса» по этому вопросу¹¹. Но остается вполне очевидным то, что истории об Иисусе рассказывались одновременно, не только чтобы сообщить, как указано ранее, «каким образом история Израиля достигла кульминации», но еще и чтобы сообщить, что «это — те события, которые породили и продолжают поддерживать и организовывать жизнь христианского движения».

В гностических евангелиях не содержится ничего подобного. Конечно, существует расплывчатая параллель: в них вроде бы рассказывается, как Иисус поверял свое тайное учение избранным ученикам, и затем это учение передавалось из уст в уста «посвященным». Но замысел гностических евангелий, помимо прочего, таков, что в них «Иисус» и его учение *не* утверждают и не организуют деятельность церкви, развивавшейся в то время учителями и проповедниками послеапостольской эпохи — таких, как Игнатий, Климент, Поликарп, Иустин и другие. В Евангелии Иуды зарождающаяся церковь открыто и презрительно отвергается, а ее обычаи выставляются аморальными и жестокими¹². Другими словами, авторы гностических евангелий старались описывать историю Иисуса так, чтобы она ни в коем случае не служила основанием для развития ранней церкви.

В-третьих, что очевидно, но все же важно отметить, в канонических евангелиях рассказывается история самого Иисуса, причем таким образом, что на каждой странице утверждается, что именно через его жизнь, его публичную деятельность, смерть и воскресение в самом деле осуществился приход царства Божьего на земле, как на небесах. Разумеется, это утверждение неоднократно оспаривалось. Многие евреи и тогда заявляли и сегодня утверждают, что царство Божье никоим образом не пришло, потому что мир по-прежнему полон порока, — на что христиане постоянно отвечали, как, по-видимому, делал и сам Иисус, что наступление царства Божьего не может произойти молниеносно; оно подобно семени, которое только спустя время даст плоды. Но не может быть, что евангелисты не были осведомлены об этом. Их ответ, согласующийся (как я неоднократно утверждал) с точкой зрения самого Иисуса, заключался в том, что для прихода царства Божьего Мессия должен был выиграть грандиозную битву со злом и положить начало новому миру Бога, миру, в котором побеждена сама смерть. Именно потому, что евангелисты верили в это, они и рассказывали эту историю так, как она изложена в Новом Завете.

¹¹ То есть, никому до «Евангелия от Фомы» (53). Рассуждения по этой теме в целом см.: T. Wright, *The New Testament and the People of God* (=NTPG) (London and Minneapolis, Minn.: SPCK and Fortress Press, 1992), p. 421.

¹² О том, как «Евангелие Иуды» отвергает зарождающуюся церковь, см.: Иуд 38-43 (КМВ, p. 25-29). Любопытно, что никто из первых комментаторов этого документа не обсуждает пропагандируемую им жуткую сексуальную вседозволенность, включая гомосексуальные практики.

И вновь эта тема, которую авторы гностических евангелий по очевидным причинам стремятся избегать. Они не видят в Иисусе провозвестника царства Божьего ни в том смысле, который был бы близок любому иудаисту I века, и ни в том особом смысле, в котором об этом явлении говорил сам Иисус. Они никоим образом не рассматривают его смерть как некую победу, разве что такую, которая выдумана автором Евангелия Иуды, где телу Иисуса дали умереть, чтобы дух смог свободно воспарить. И они решительно отказываются верить в воскресение Иисуса. Этому моменту было дано совершенно иное толкование. В течение столетия после смерти Иисуса все упоминания о воскресении значили то же, что и в античном греко-римском (где концепция была известна, но отвергалась), и в иудейском мире (где большинство людей, вслед за фарисеями, в нее верили): т. е. новая телесная жизнь после телесной смерти¹³.

Есть еще одно отличие между каноническими и гностическими евангелиями. Нет смысла приукрашивать действительность: канонические евангелия — ранние писания, а гностические — более поздние. (Под словом «ранние» я подразумеваю то, что они были написаны в течение жизни примерно одного поколения после смерти Иисуса; под «поздними» — тексты, написанные не ранее середины II века.) Когда заявляешь такие вещи, поднимается волна протеста, но все признаки свидетельствуют о правильном проведенном анализе.

Впрочем, мы не знаем точно, когда были написаны четыре канонических евангелия. Отдельные храбрецы до сих пор пытаются утверждать, будто на самом деле мы это знаем (или, по крайней мере, знают они), но просто удивительно, до чего несостоятельны их аргументы на фоне того, насколько может быть широким разброс датировок документов, о которых идет речь. Весьма вероятно, что Евангелие от Марка было написано, по крайней мере, задолго до 70 года н. э., и чрезвычайно маловероятно, что евангелия от Матфея, от Луки и от Иоанна были написаны сколько-нибудь позднее 80-го или, максимум, 90-го года. Фактически не существует действительно веских причин, по которым все они не могли быть написаны значительно раньше. Прежний научный «консенсус», по которому евангелиям давалась относительно поздняя датировка, за последнее поколение был сведен на нет, хотя кое-где старая критическая ортодоксальная позиция еще сохраняется, словно улыбка Чеширского Кота, остающаяся после того, как сам кот уже исчез. Но мы так не

¹³ См. мои пространные комментарии в: T. Wright, *The Resurrection of the Son of God* (London and Minneapolis, Minn.: SPCK and Fortress, 2003). Гностическую интерпретацию понятия «воскресение» см. в главе 10. Когда Илейн Пейглс интерпретирует ортодоксальную веру в воскресение Иисуса как некую причудливую экстремальную позицию [E. Pagels, *The Gnostic Gospels* (New York: Random House, 1976), p. 113], она демонстрирует абсолютное непонимание того, как мыслили ранние христиане.

знаем точных дат.

Однако нам известно, что, когда Игнатий Анти-охийский в первой декаде II века или около того писал свои письма, он цитировал те самые высказывания Иисуса, которые можно найти в канонических евангелиях, особенно в евангелиях «От Матфея» и «От Иоанна». Не известно, был ли он знаком с этими источниками в письменном виде или получил их изустно; однако ясно, что он знал немало высказываний Иисуса, содержащихся в хорошо знакомых нам письменных канонических евангелиях, и считал их достоверными. Более того, он явно полагал, что его читатели также сочтут их достоверными. Популярная гипотеза, что вплоть до III или даже IV века вообще не существовало общепризнанного собрания библейских книг, а имели хождение лишь разрозненные документы до тех пор, пока политическая целесообразность не потребовала специально отобрать книги определенной направленности, — это просто чушь, что косвенно подтверждает процитированный ранее текст Джеймса Робинсона по поводу Евангелия от Фомы. Канонические евангелия читались и цитировались как достоверные документы уже в начале и в середине II века, между тем как о неканонических евангелиях вообще ничего не было слышно до середины или конца того столетия. Попытки заявлять о существовании ранних (в ряде случаев очень ранних) версий некоторых альтернативных евангелий не получили широкого признания, за исключением небольшой крикливой кучки североамериканских деятелей. В самом деле, недавно были выдвинуты веские аргументы в пользу того, что, несмотря на отчаянные старания «состарить» Евангелие от Фомы до первых лет II века или даже до I века, высока вероятность, что оно, как и другие документы библиотеки Наг-Хаммади и само Евангелие Иуды, было сочинено или составлено в середине или в конце II века¹⁴.

Я готов признать, что в некоторых неканонических евангелиях вполне могут содержаться подлинные воспоминания об Иисусе, не сохранившиеся больше нигде. Даже при том, что активная публичная деятельность Иисуса была недолгой, весьма вероятно, что многих его высказываний в канонических евангелиях не оказалось; в самом деле, в Евангелии от Иоанна так об этом и говорится, а в Деяниях апостолов имеется одно высказывание Иисуса, которого нет ни в Евангелии от Луки, ни где-либо еще¹⁵. Но в гностических текстах, называемых евангелиями, нет сведений подлинно независимых свидетелей. Я вновь говорю, что они явно вторичны и являются производными от канонической традиции. Эта точка зрения высказывалась достаточно часто, хотя по-прежнему многие ее отвергают. (Типичный аргумент сводится к тому, что в местах Евангелия от Фомы, где есть притчи, аналогичные притчам

¹⁴ О датировке «Евангелия от Фомы» см.: N. Perrin, *Thomas and Tatian: The Relationship Between the Gospel of Thomas and Tatians Diatessaron* (Academia Biblica. Leiden/Atlanta, Ga.: Brill/Scholars Press, 2002).

¹⁵ См.: Ин 21:25; Деян 20:35.

синоптических евангелий, мы не находим их «аллегорической» интерпретации; поэтому мы имеем дело с более ранней стадией притче-вой традиции, относящейся к тому времени, когда церковь еще не «аллегоризировала» простые, но очень глубокие высказывания Иисуса. Ответ на это: притчи, о которых ведется речь, на самом деле явно относятся к иудейской апокалиптической традиции, в которой квазиаллегорическое повествование и интерпретация образуют единое неделимое целое, так что мы столкнулись с тем, что кто-то во II веке, отделив от первоначальной формы интерпретацию, поменял иудейское апокалиптическое мировоззрение I века на учение о гномической мудрости.¹⁶⁾ Для подробной аргументации понадобилось бы гораздо больше места, ключевые факты касаются характера отличных друг от друга писаний.

Вот две альтернативные исторические возможности.

1. Движение, начавшееся в I веке в среде палестинских иудеев как движение за обретение царства Божьего, описываемого апокалиптическим языком и образами, которые должны были свидетельствовать о грядущих великих событиях, придавая им богословскую значимость, дало начало литературному течению, выражавшему подобные взгляды. Затем это движение, переносясь на иную культурно-философскую почву, постепенно породило другое мировоззрение и другую литературу, использующую отчасти похожий язык, но мировоззрение, о котором идет речь, представляло собой эллинистический дуализм.

2. Иисус Назарянин действительно был адептом определенного рода гностицизма или даже (как порой предполагают) некой формы буддизма, духовного учения о самопознании, с одной стороны, и освобождении — с другой. Впоследствии канонические евангелисты и/или их информаторы превратили его учение в вымышленную историю о движении палестинских иудеев за обретение царства Божьего, наполненную искусно подобранными преданиями об удивительном человеке в центре движения. Между тем подлинные идеи Иисуса и подлинные сведения о нем сохранились в преданиях, носящих черты эллинизированного движения II века, следовавшего философии Платона.

Как историк я нахожу первый вариант весьма вероятным и логичным, а второй — невероятным и надуманным. Оказываясь перед подобным выбором, я знаю, каким путем идти. Когда я сталкиваюсь, как в вышеприведенном случае, с документом, критикующим сложившиеся представления — настаивающим, например, на том, что Иисус — не сын Божий, что причастие и двенадцать апостолов не имеют значения, и т. д., — то вопросов не возникает. Ведь эта реакция последовала позже, нежели появились взгляды, против которых она

¹⁶ Дополнительные подробности о зависимости гностических евангелий от канонических см. в: T. Wright, *Jesus and the Victory of God*, p. 230-239.

направлена.

Все это лишь подтверждает приведенные выше положения о радикальных отличиях в характере, жанре и богословии канонических евангелий и их дальних гностических родственников. Полнейшая несовместимость двух портретов Иисуса — канонического и гностического — показывает всю лживость предположения, уже высказанного в публикациях о Евангелии Иуды, согласно которому два этих портрета дополняют друг друга. Илейн Пейгльс, один из ведущих ученых, изучающих ранний гностицизм, и один из самых активных популяризаторов «гностического» Иисуса, считает, что можно изучать канонические и гностические евангелия параллельно, черпая из канонических текстов базовое учение, предназначенное для широких масс, а из гностических — учение сокровенное, продвинутого уровня. Гностические тексты, полагает она, сохранялись в тайне потому, что предназначались для людей, стремившихся к более высокому уровню понимания и духовного совершенствования. Как раз на основании этого аргумента Герберт Кросни, вторя Пейгльс, считает, что Евангелие Иуды предлагает альтернативное повествование, но не подвергает сомнению основы христианской веры. Вместо этого оно, возможно, расширяет учение о христианской вере, давая дополнительные сведения о личности Иисуса¹⁷. Тут Пейгльс фактически просто принимает точку зрения, которую она сама охарактеризовала как идею западной валентинианской школы гностицизма, представленной такими учителями, как Птолемей и Гераклеон, и такими документами, как «Интерпретация знания»¹⁸.

Так как не были отмечены серьезные различия между каноническими и гностическими евангелиями, пожалуй, можно не взыскивать слишком строго с Кросни — создателя премированного документального фильма, но это было бы непростительно для историка, специалиста по античности. Однако позиция Илейн Пейгльс просто умопомрачительна. Такая точка зрения, как у нее, возможна, только если при систематическом перечитывании канонических евангелий понимать их абсолютно неправильно. Ведь очевидно, что авторы евангелий от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна были убеждены, что Иисус на самом деле являлся израильским Мессией и что он действительно пришел, чтобы на земле, как на небе, воцарилось царство Бога Творца. Авторы евангелий Иуды, от Фомы и прочих гностических текстов считали, что такая убежденность была бы катастрофической ошибкой и что Иисус пришел, чтобы указать путь в совершенно иную сферу, прочь из порочного мира и из-под гнета иудаизма. На самом деле Пейгльс это прекрасно понимает, на что указывает ее собственный вывод:

Несведущие христиане ошибочно поклонялись создателю, словно он

¹⁷ Цит. по: Н. Krosney, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas hcariot*, p. 278.

¹⁸ E. Pagels, *The Gnostic Gospels* (New York: Random House, 1976), p. 126.

— Бог; они верили в Христа как в того, кто должен был спасти их от греха и того, кто, как они верили, восстал из мертвых в физическом теле: они принимали его учение на веру, но без понимания тайны его природы — как и своей собственной. Но те, кому довелось получить *gnosis*, признали Христа посланником Отца Истины, и его приход открыл им, что их собственная природа идентична его природе — и природе Бога.¹⁹

Эти две системы верований сочетаются так же, как нефть и вода; как мел и сыр. Если мы этого не видим, значит, просто невнимательно читаем тексты. Мысль, будто есть связь между первой и второй системами и они представляют собой начальный и продвинутой уровни одного и того же учения, — просто желаемое, выдаваемое за действительное, идет ли речь о II веке или о нашем времени.

Одним словом, евангелия от Фомы, Иуды и другие действительно могли называться «евангелиями» (хотя, как мы видели, ряд ученых, в числе которых Робинсон, сомневается, что эти писания так называли их создатели). Но коль скоро кто-то называет их так, меняется само значение этого слова. Для ранних христиан слово «евангелие», с одной стороны, прочно увязывалось с Ветхим Заветом, а с другой — противопоставлялось совершенно иному «евангелию». Это совершенно другое «евангелие» было «евангелием» римского императора. Вот где мы обнаруживаем, возможно, самый важный пункт расхождения между гностиками (пусть они и считали, будто поклоняются Иисусу) и христианами, представленными такими фигурами, как Игнатий, Иустин и Ириней. Этот момент мы рассмотрим в следующей главе.

¹⁹ *Ibid.*

5. ВЛАДЫКА МИРА ИЛИ БЕГЛЕЦ ИЗ МИРА?

Я уже говорил, что канонические евангелия содержат три истории: историю Израиля; историю зарождающейся церкви, начало которой положила деятельность Иисуса; и историю самого Иисуса, знаменующего приход царства Божьего — царства Бога Израиля! — своими деяниями, своей смертью и своим воскресением. Но в евангелиях просматривается еще одна история — история древнего противостояния, достигающая своей кульминации после столетий вражды и столкновений.

Это — история, с одной стороны, Бога Творца, единственного Бога, Бога Израиля, противостоящего, с другой стороны, богам, заявлявшим, что они правят миром, — богам, провозглашавшим свое владычество над миром через своих агентов или даже посредством своих телесных воплощений в виде императоров и тиранов. Это история Яхве и Вавилона со слов пророка Исаяи (главы 40-55); история пророка Даниила во рве с львами, «четырёх зверей» и «сына человеческого» (Книга пророка Даниила, глава 7); история ниспосланной с небес победы Иуды Маккавея над сирийскими мегаломанами; рабби Акивы и его благородной, но тщетной поддержки восстания Бар-Кохбы, «Сына Звезды», последней большой надежды Израиля в борьбе с языческим Римом. Это — одна из центральных иудейских историй; именно с ней в основном созвучна иудейская идея «царства Божьего»; это — часть подразумеваемой сюжетной подоплеки всех четырех канонических евангелий.

И в центре этой истории находится другая история, которая была очевидна почти для каждого человека, жившего в I веке, и которая (как кажется) никому не ведома в XXI веке: история Иисуса и кесаря. Когда Иисус провозглашал царство Божье, то он сам понимал, как и его апостолы, первосвященники, царь Ирод и, в конечном счете, Пилат (хотя все они в той или иной степени были сбиты с толку), что это в какой-то мере касалось смены власти. Римский кесарь, подобно многим тиранам древности, приписывал себе божественность или, по крайней мере, полубожественность (как «сын бога», поскольку императоры раз за разом обожествлялись своими наследниками и преемниками сразу после смерти). Восхождение на трон кесаря и день его рождения обычно считались «благой вестью»: «*euangelion*» по-гречески — то же самое слово, что используется в Новом Завете. Сам Рим был обожествлен, и, подобно любому уважающему себя божееству, он заявлял, что дарует своим последователям множество благ — справедливость, свободу, мир, спасение и т. д. в духе обычного имперского бахвальства. Если Иисус говорил о царстве Бога, которое должно воцариться на земле, как на небесах, то что бы он не подразумевал под этим (многое он «объяснял» в притчах, которые, казалось, замыслились так, чтобы быть загадочными и заставлять людей думать, тем самым отодвигая на какое-то время опасность), он никоим образом *не* имел в

виду следующее: «Вот новая форма духовной практики, которая позволит вам открыть божественную сущность глубоко внутри вас самих и тем самым избежать проблем и борьбы за власть нашего порочного мира».

Ранняя церковь не отказывалась и от заключения, что миссию и служение Иисуса следовало рассматривать в свете древнего иудейского противопоставления царства Божьего и царств мирских. У Матфея воскресший Иисус провозглашает, что ему отдана вся власть на небе *и на земле*; на этом основании он посылает своих учеников на апостольское служение — крестить и учить людей. У Марка Иисус заявляет, что «евангелие» должны услышать все народы — в мире, где уже вокруг Средиземноморья ходило «евангелие», а именно — «хорошие новости» о кесаре. У Луки Иисус велит своим ученикам возвещать начиная с Иерусалима, новый образ жизни всем народам и автор продолжает повествование до того момента, как носитель этого «евангелия» прибывает в Рим и открыто проповедует там прямо под носом императора. У Иоанна Иисус стоит перед Пилатом, наместником кесаря, и заявляет, что он действительно царь, хотя иного рода, нежели кесарь. Его царство не *от* мира сего, т. е. оно происходит из другого места; но оно безусловно предназначено для этого мира¹. И Евангелие от Иоанна заканчивается, как и остальные, вовсе не эскапистской концепцией, олицетворенной Иисусом и предназначенной для его последователей, а идеями обновленного мироздания и Иисуса в качестве его Господа и Бога².

Эту же идею вновь и вновь затрагивает Павел, о чем я неоднократно писал³. Для Павла Иисус — Господь, и, стало быть, кесарь для него таковым не является. Отношение Павла к имперской власти часто понимали неверно, поскольку определенные строки в его Послании к Римлянам (13:1-70) трактовали в отрыве от контекста, не принимая во внимание многочисленные наставления, содержащиеся в этом документе, не говоря уж о Послании к Филиппийцам и Первом послании к Фессалоникийцам, где эта тема озвучена четко и ясно. Именно Павел употребляет слово «парусия» («появление государя»), которое, в отличие от многих из его ключевых понятий, не было взято из греческого Ветхого Завета, и использует его, чтобы увязывать вместе (а) иудейское верование в «День Господень», теперь переосмысленное в связи с Иисусом, и (б) его собственную веру в то, что Иисус стоит выше кесаря.

«Наше же жительство — на небесах», — написал Павел в Послании к Филиппийцам. Но он не имел в виду, что «и поэтому мы должны найти лучший

¹ Ин 18:36. Ключевую фразу «мое царство не от мира сего», не следует интерпретировать так, будто Иисус имел в виду, что его царство не имеет отношения к этому миру. По-гречески эта фраза — *ek tou kosmou toutou*.

² Мф 28:18-20; Мк 13:10; 14:9; Лк 24:47; Деян 28:30 и далее; Ин 18:29 - 19:16; 20, 21 в разных местах.

³ T. Wright, *Paul: Fresh Perspectives* (в США: *Paul and Fresh Perspective*) (London and Minneapolis, Minn.: SPCK and Fortress, 2005), ch. 4.

и скорейший способ убраться отсюда и оставить позади этот порочный мир и наши жалкие тела». Логика понятия «родина» не такова. Рим основывал колонии, часто переселяя туда старых солдат, рассчитывая на то, что они не вернуться; их задача состояла в том, чтобы распространять римское влияние на те страны и общества, в которых они жили. И если бы в этом процессе возникли проблемы, кесарь поспешил бы им на помощь из Рима, но не с целью благополучно вернуть их домой, а изменить ситуацию, покоряя всех врагов своей несокрушимой силой. Да, заявляет Павел: «Наше же жительство — на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, который униженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, *которою* Он действует и покоряет Себе все»⁴. Это — полнейшая противоположность гностицизму, дающая совершенно иной результат. Гностик может уйти от политических конфронтации в мир личной духовности. Христианин, следовавший наставлениям Павла, должен был верить в истинного владыку мира и оставаться в мире до самого конца, даже если необходимо, ценой мученичества.

Естественно, тем, кто в I веке принял это раннее иудейское, основанное на взглядах Иисуса учение о приходе царства Божьего на землю, пришлось претерпеть мученичество довольно скоро.

Классический пример этого на страницах Нового Завета можно найти в Книге *Откровение*. Вновь и вновь его автор, описывая ситуацию, в которой множество христиан уже были убиты и еще большему их числу грозила гибель, использует язык и образы Ветхого Завета и иудейских пророчеств, чтобы заявить, что владычество кесаря — фальшивка и что Бог, создавший мир, единственный Бог, которому поклоняется все творение, воплощает свой давний план по возвращению Своего прекрасного творения из рук узурпировавшего его зла, и не в последнюю очередь — из рук языческой империи. Конечно, книга «Откровение» пространна и сложна, но одно предельно ясно: финальный образ — образ Нового Иерусалима, *спускающегося с небес на землю*, одновременно олицетворяет однозначное отвержение любой гностической сотериологии, с одной стороны, и окончательное провозглашение политических намерений — с другой. Иисус — «Господин господствующих и Царь царей», и, по выражению Павла, перед его именем все должны преклониться⁵.

Конечно, те же самые книги, что так ясно говорят о царстве Божьем, устанавливаемом на земле, как на небе (коль скоро мы научились понимать их так, как читатели I века, вместо того, чтобы выхолащивать смысл искусственным разделением «религии» и «реальной жизни»), также говорят, и столь же ясно, о царстве совершенно иного *типа* и о власти совершенно

⁴ Флп 3:20 и далее.

⁵ Отк 21:2; 17:14; 19:16; Флп 2:10.

другого типа, которую оно за собой влечет. Речь идет вовсе не о том, что Иисус обладает такой же властью, что и правители мира, разве что имеет ее несколько больше. Речь идет о том, что он воплощает и провозглашает другого рода власть, другого рода царство — абсолютно другого рода. Это как раз тот момент, за который многие, и не только поборники гностицизма, а и те, кто просто предпочитает спокойную жизнь, ухватились, чтобы заявить: «Ах, да; дело в том, что Иисус пришел, чтобы наступило *духовное* царство, а не политическое».

Но фрагменты, уже процитированные мной, исключают такой вывод — да впрочем, их уже исключила история первых двух веков церкви, которая запросто могла использовать подобную отговорку, будь такая возможность, и тем самым уберечь себя от множества бед, слез и крови. «Духовное» царство, которое действительно принес Иисус, — это установление одухотворенного владычества единственного истинного Бога в созданном мире, который, хотя, будучи испорченным бунтовщиками, остается его миром, миром, любимым им. Главная тема важнейшего из посланий Павла — ни что иное, как Божья справедливость, Божье стремление исправить мир раз и навсегда, принеся вместе с этим обещание спасения не *от* мира, а *для* мира⁶. Но это обещание порождает и подпитывает не обычную политическую или милитаристическую революцию, а радостное празднование победы Мессии, Иисуса, над самой смертью — последним оружием тирана, так что тот самый крест, что был символом ненавистной власти кесаря, теперь становится символом непостижимо глубокой любви Бога Творца, Бога Израиля. И победа над смертью не означает союз со смертью, когда сама смерть считается твоим другом, как в Евангелии Иуды. Победа над смертью означает отношение к смерти как к злейшему врагу, побежденному Иисусом и больше не способному приводить в ужас⁷.

Такова богословская основа, на которой стояла церковь в ранний период гонений на христиан. Краткий обзор деятельности Игнатия Антиохийского (умершего приблизительно в 110 году н. э.) подтверждает это; порой люди говорят об Игнатии так, будто он был заинтересован исключительно в своей епископской власти и своем престиже, между тем как на самом деле он сохранял верность своему распятому Господу, глубоко осознавая, к чему это его вскоре приведет. Поликарп, епископ Смирнский, в первой половине II века вполне ясно высказался о конфронтации между двумя соперничающими владыками: «Уже восемьдесят шесть лет я служу Ему, — обращается он к государственному мужу, пытавшемуся заставить его отречься от Иисуса, — и Он ничем меня не обидел; как мне хулить своего Царя и Спасителя?» Поликарпу было прекрасно известно, что понятия «царь» и «спаситель»

⁶ См. также: Рим 8:18-27.

⁷ 1Кор 15:20-28.

являлись титулами кесаря, и это заявление о верности Иисусу привело его прямоком на костер⁸. Га же судьба постигла и святого мученика Иустина: стремящийся к взаимопониманию, он всегда был готов выслушивать доводы оппонентов и вести диалог, но когда от него потребовали поклясться в верности кесарю, а не Иисусу, он наотрез отказался⁹.

Помимо прочего — и для нас с вами это весьма актуально — показателен пример мучеников Вьенны и Лиона. Описание ужасающих страданий христианской общины двух крупнейших городов Галлии, созданное почти современником тех событий, сохранилось в книге «Церковная история» Евсевия Памфила¹⁰. С подачи римского императора города были охвачены репрессиями. Христиан обвиняли (как обвиняет их Евангелие Иуды) в самых разных гнусных пороках — сексуальных извращениях, людоедстве, и т. д. По-видимому, преследователи считали необходимым сжигать тела христиан и развеивать их прах над рекой Роной, чтобы от казненных не оставалось ничего. И вот показательный момент:

Они делали это в расчете победить Бога и отнять у них возрождение. Они так и говорили: «Чтобы и надежды не было у них на воскресение, поверив в которое они вводят странную новую веру, презирают пытки и готовы с радостью идти на смерть. Посмотрим, воскреснут ли они и сможет ли их Бог помочь им вырваться из наших рук».¹¹

Эти зверства происходили во Вьенне и Лионе в 177 году. Среди погибших был девяностолетний Пофин, епископ Лионский, замученный пытками в тюрьме. Сразу после его смерти из Рима прибыл Иринея, чтобы стать епископом Лионским. Иринея в свое время уже был пресвитером в Лионской епархии и, обладая высокой репутацией, был послан обратно, чтобы управлять делами церкви, едва в тех местах прекратились преследования. И как раз тогда он написал трактат «Против ересей», в котором упоминает Евангелие Иуды.

Этот факт, я полагаю, — ахиллесова пята тех, кто любыми путями пытается убедить нас, что следует предпочесть гностические и аналогичные им сочинения каноническим писаниям. Читая рассуждения Эр-мана, Мейера и других, легко забыть о том, что в действительности происходило в то время, и вообразить, будто Игнатий, Иринея и подобные им деятели были всего лишь малопривлекательными и высокомерными критиками ереси, стремящимися лишь к усилению личной власти и церковной системы. Между прочим, это основной аргумент одной из самых известных книг современности реабилитирующих гностицизм, — книги Илейн Пейглс «Гностические евангелия». Вновь и вновь

⁸ *Martyrdom of Polycarp* 9:3.

⁹ *Martyrdom of Holy Martyrs* 4 (ДХБ 1:306).

¹⁰ Евсевий Памфил, *Церковная история* 5. 1. 1 — 5. 2. 8.

¹¹ Иринея, *Против ересей* 5. 1. 63.

она исследует конфликт между развивающимися ортодоксией и гностицизмом и предлагает то, что называет «политическим» объяснением: Игнатий, Иринея и другие поступали так, как поступали — включая, по-видимому, готовность к мученичеству, — из-за собственной одержимости политической властью, из-за стремления создать монолитную церковную структуру.

Ничто не может быть дальше от истины. Люди, которых сжигали на кострах, поджаривали на раскаленном железе, бросали на растерзание диким зверям, разрывали на дыбе и т. д., о которых сообщается в хрониках Вьенны и Лиона, — вовсе не воображали себя на пути к великой политической победе «ортодоксии» над «ересью». Вопреки распространенному мнению они не старались устроиться в жизни, соглашаясь на комфортный компромисс с тогдашним статус-кво и предвидя более чем на сто лет вперед то время, когда, к огромному изумлению христиан, после жестоких преследований императора Диоклетиана христианская вера была вначале разрешена, а затем стала официальной. Эти люди шли следом за своим распятым Господом. Если все, что вам нужно, — укреплять церковную власть, то при этом едва ли будет разумно поддерживать и проповедовать такое учение, за которое вас и других лидеров движения наверняка подвергнут пыткам и казням. В поведении Игнатия и Иринея мы видим другое — естественные соображения, по которым, если власти намерены преследовать церковь, крайне важно, чтобы находящаяся в опасности маленькая община была сплоченной и крепко держалась не за грандиозную, монументальную иерархическую структуру, а за такое руководство, которое, именно благодаря своему единству, преодолевающим границы, разделяющие человечество, дает всем властелинам мира знак, что Иисус — вселенский Господь, а они — нет¹².

Так что давайте внесем ясность. Христиане, замученные в Галлии в 177 году, и тысячи христиан, погибших по всей Римской империи в том столетии, не читали евангелий от Фомы, от Петра или от Иуды. Они читали и цитировали в молитвах и песнопениях евангелия от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна — тексты, укрепившие их искреннюю веру в Иисуса, не открывателя тайной истины, позволяющей покинуть порочный мир, а владыки, которого они знают и любят (Иринея пишет об этом ярко и трогательно), того, чья смерть и воскресение послали новую силу в мир и в жизнь людей, давая им надежду не на бестелесное духовное благоденствие в некоем мире без времени и пространства, а на возрождение тела и обновление созданного божественного порядка; оно уже началось и признаки его уже проявляются в реальном мире. Они верили в Иисуса, проврзгласивше-го владычество Бога на земле, как на небе, который потребовал, чтобы вся власть — не только на небе, но и на земле — была дана ему. Мученики жили ради этой идеи и — что не удивительно, поскольку она угрожала и угрожает политической власти во всех ее

¹² См.: Еф 3:10; Флп 2:1-18.

проявлениях, — умирали ради нее.

В отличие от них, с какой стати было любому из гностиков открыто объявлять, что он принадлежит к презренной шайке христиан? Как мы уже видели, гностики высмеивали позицию церкви; «Иисус» Евангелия Иуды смеялся над ней. К чему связываться с людьми, напрашивающимися на проблемы? И если бы настоящей целью учения Иисуса было открытие истинной божественности внутри себя, чтобы таким образом навсегда покинуть порочный мир, то зачем кесарю было бы преследовать движение с подобными убеждениями? И к чему было бы представителям этого движения отказываться от минимальной лояльности к языческим властям, которой те требовали?

Это четко прослеживается в некоторых гностических текстах. Хотя отдельные представители данного достаточно разнородного движения все-таки придавали определенное значение мученичеству, большинство же презирало подобную идею. Такие тексты, как Евангелие истины и Апокалипсис Петра это подчеркивают: уверенность ортодоксов в том, что мученичество — верный путь к спасению, — всего лишь самообман¹³. Если, как я уже предполагал, по крайней мере одним из корней гностицизма II века была реакция некоторых иудеев на катастрофическое поражение в 135 году, можно понять, почему они могли так думать. Ведь евреи придавали огромное значение историям о мучениках Маккавеях 160-х годов до н. э. и пересказывали их в подкрепление своей веры в обещание Бога, что произойдет новое, еще более грандиозное, восстание против языческих правителей, и после этой победы мертвые воскреснут. Можно понять, что после жестокого, шокирующего крушения надежды в 66-77 годы н. э., а затем в 132-135 годах некоторые из тех, кто ее питали, могли отвергнуть подобную идею и любые обещания, революции, воскресение, мученичество и т. д. Другими словами, нам не следует просто отметить риторику гностических текстов и высмеивать их авторов как всего лишь трусов. Но нельзя и соблазняться версией, что ранних ортодоксальных христиан будто бы интересовало только общественное положение и личная власть, а действительно радикальную и реальную альтернативу им будто бы представляли собой гностики. Эта версия совсем не стыкуется с вполне очевидными фактами: как правило, гностики избегали преследований, между тем как ранние христиане-ортодоксы, по-прежнему веря в идею царства Божьего в иудаистском ключе, противопоставляемого владычеству кесаря, приветствовали мученичество как вероятный результат следования за распятым Иисусом. Можно увидеть, как на протяжении II столетия богословы описывали эту картину. Игнатий Антиохийский считал, что те, кто отрицает страдания Христа, наверняка отвергнут идею мученичества¹⁴. Иустин отмечал, что

¹³ Рассуждения о мученичестве как о самообмане см. в: E. Pagels, *Gnostic Gospels*, p. 160f.

¹⁴ О связи между отрицанием страданий Христа и отвержением мученичества см.: Игнатий, *Послание к траллийцам* 10:1; *Послание к смирнякам* 5:1. Данный тезис

последователей таких гностических учителей, как Симон, Маркион и Валентин, не преследуют и не убивают¹⁵. Евсевий Памфил считал, что Василид — один из крупнейших гностических учителей — «учит вкушать идоложертвенное и спокойно отречься от веры во время гонений». А Иринеи описал хитрый ход мысли, с помощью которого гностикам удавалось избегать преследований:

И как Сын был для всех неведом, так и они должны быть никому неведомы, но, между тем как они всех знают и чрез всех проходят, сами они остаются для всех невидимы и неведомы. Ибо, говорят они, "ты знай всех, и тебя пусть никто не знает". Потому такие люди готовы отрицаться и не могут страдать за имя, так как они подобны всем. [...] Они говорят, что они не суть более иудеи, но еще и не христиане; и не должны высказывать открыто свои таинства, но молчанием хранить их в тайне.¹⁶

Фактически, пишет Иринеи, некоторые из этих людей даже презирали мучеников, говоря, что идти таким путем глупо и смехотворно. Он допускает, что некоторые гностики все-таки готовы пострадать во имя Христа, но отмечает, что их подавляющее большинство «говорят, что такое свидетельство (мученичество) вовсе не нужно, потому де, что их учение есть истинное свидетельство (за Христа)»¹⁷.

Тертуллиан, как обычно, пишет об этом более эмоционально:

И когда грозит опасность вере нашей, и церковь наша окружена пламенем [...] тогда и поднимают голову гностики; тогда и подкрадываются валентиниане; тогда и подают голос свой противники мученичества [...] На нас же идет охота, как на зайцев, обложенных со всех сторон, а еретики, меж тем, живут в спокойствии. [...] Те, кто выступает против мученичества, называя спасение разрушением, превращают сладость в горечь, а свет во тьму.¹⁸

О том, каким образом гностики возражали против мученичества или полностью его отрицали, писали многие авторы. Сам этот факт вполне очевиден. Но он постоянно упускается из внимания в нынешних дискуссиях о евангелиях и обо всем, что с ними связано. Факты гонений и мученичества во II веке достаточно красноречивы и они, помимо прочего, обнажают всю лживость многочисленных заявлений о том, что «ортодоксы», дескать, всего лишь заботились о политической власти, между тем как именно «еретики»

четко обрисован в: E. Pagels, *Gnostic Gospels*, p. 99.

¹⁵ Комментарии Иустина о его современниках-гностиках см. в его трактате «Апология II» 15.

¹⁶ Иринеи, *Против ересей* 1. 24. 6; 3. 16. 19 - 3. 18. 5.

¹⁷ Там же, 3. 18. 5; 4. 33. 9.

¹⁸ Тертуллиан, *Скорпиак* 1.

подвергали себя риску. Христианам Вьенны и Лиона, да и язычникам, уж точно так не казалось. Если, впервые в современный период, мы читаем текст, до сих пор известный нам почти исключительно по книге, написанной епископом Лионским приблизительно в 180 году, то следует уделить пристальное внимание обстановке, в которой епископ писал ее, и не в последнюю очередь тому факту, что в тот период времени он только что сменил на посту епископа, погибшего за ту же веру. Нам было бы полезно поразмышлять о столь непохожих доктринах, обзор которых мы только что сделали, и о следствиях этих совершенно разных систем убеждений.

Черновой вариант абзацев, только что прочитанных вами, я написал в Страстную субботу 2006 года. На следующий день один из ведущих церковных деятелей нашего времени архиепископ Кентерберийский доктор Роуэн Уильямс в своей рождественской проповеди в Кентерберийском соборе сказал следующее:

[Новый Завет] был написан теми людьми, которые, создавая такие писания и придерживаясь такой веры, ограничивали себя в мирской власти, а не наоборот. Они направляли свои стопы на территорию, не занесенную на карты, отходя все дальше от безопасных зон политического и религиозного влияния, отходя все дальше от традиционной иудейской религии, от римского общества и закона. И четыре Евангелия, и послания святого Павла [...] все они свидетельствуют, что христиане ставили себя в такое положение, при котором им приходилось терпеть такое же унижение, как осужденным преступникам, ведомым голыми у всех на виду к месту казни.¹⁹

И то, что было истинно для самых первых христиан и авторов Нового Завета, было абсолютно и безусловно истинно для таких людей, как Игнатий, Поликарп, Иустин и Иринея во II столетии. Они шагали в неизвестность, не задумываясь об опасности. Вот в чем ирония: гностические евангелия сегодня превозносятся как радикальная альтернатива деспотичным и консервативным каноническим евангелиям, однако историческая реальность была прямо противоположной. Гностики с готовностью капитулировали перед окружающей их культурой, в рамках которой были совершенно типичны мистерии, идеи самопознания, платонический спиритуализм разного рода и зашифрованные тайные знания. Другими словами, гностики были культурными консерваторами, придерживаясь таких религиозных воззрений, которые уже всем были известны. И представая в таком качестве, когда мы читаем их сочинения без излишнего оптимизма, присущего Мейеру, Эрману и подобным им, они могут поражать нас (выражаясь анахронистически, нашим современным языком) как упертые сексисты, антисемиты и люди, которым не

¹⁹ Эту цитату из проповеди Роуэна Уильямса можно найти на сайте http://www.archbishopofcanterbury.org/sermons_speeches/060416a.htm

хватало храбрости выступить против идеологии и власти тех времен. Именно ортодоксальные христиане прокладывали новые пути, рискуя собственной жизнью.

Таким образом, люди, готовые умереть за свою веру в Иисуса и за свою веру в достигнутое его смертью и воскресением, приветствовали идею такого «спасения», которое означало нечто, совсем не похожее на то, что означает слово «спасение» и аналогичные понятия в Евангелии Иуды и близких ему писаниях. Это касается как *цели*, так и *средств* спасения.

Цель спасения, согласно Новому Завету и трудам ранних святых отцов, состоит в изменении благой, созданной Богом вселенной и в воскресении тел умерших, чтобы они могли существовать в исправленном мире. «Спасение» означает избавление от обезображивания и разложения благого создания Бога, т. е. от смерти и от того, что ведет к ней. Как я уже подробно писал в разных работах, для ранних христиан, как и для ранних раввинов, сливаются воедино три элемента: вера в основополагающую благость создания; вера в абсолютную справедливость Бога (т. е. в то, что Бог Творец когда-нибудь все исправит); а также вера в то, что грядущее воскресение тела есть часть будущего восстановления всего сущего²⁰. То, что предлагает гностицизм — не вариация вышеуказанного, не еще один способ восприятия и выражения аналогичной точки зрения, а такой взгляд на идею спасения, который явно противоречит взглядам ранних христиан (а также ранних иудеев) при сопоставлении с каждым из элементов. Согласно гностицизму, созданный миропорядок плох по своей сути. И нет смысла ожидать, что положение дел улучшится сейчас либо в будущем. Посему спасение состоит никак не в воскресении — зачем возвращать обратно свое тело? — а в окончательном бегстве от этого мира. Как весьма наглядно говорит об этом Барт Эрман,

согласно большинству гностиков, материальный мир *не есть* наш дом. Мы здесь в ловушке — в этих плотских телах — и нам нужно знать, как вырваться из ловушки [...] Поскольку главная суть в том, чтобы дать душе возможность покинуть этот мир и войти в «великое святое поколение» — т. е. в божественную область, находящуюся за пределами этого мира — то воскресение тела есть самое последнее, что нужно Иисусу или кому-либо из его истинных последователей.²¹

И если конечная цель, согласно Новому Завету, полностью отличается от конечной цели, обозначенной в гностической литературе, то не удивительно, что и средства достижения этих целей тоже разные. Для самых первых христиан и великих учителей II века — таких, как Поликарп, Иустин и Ириней, — средством для достижения вечной жизни и воскресения был сам Иисус: не тот Иисус, что существовал в воображении гностиков, а Иисус,

²⁰ Эта мысль выражена более полно в: T. Wright, *The Resurrection of the Son of God*.

²¹ См.: Bart D. Ehrman in KMW, p. 84, 110.

провозгласивший и олицетворивший собой царство Божье, наступающее на земле, как на небе, Иисус, отправившийся на смерть не для того, чтобы покинуть материальный мир, а чтобы спасти его, Иисус, восставший из мертвых, чтобы начать новое творение и править в нем в качестве истинного Господа. И, согласно взглядам самых первых христиан, к средствам, которыми Иисус спасает людей и изменяет их здесь и сейчас, чтобы они уже прикоснулись к новому миру и ждали завершения его создания в будущем, относится слово Евангелия, благодаря которому сердце и разум людей осеняется Святым Духом; к этим средствам относится вера в Слово, вера в познание живого присутствия Иисуса и его верховное господство; к этим средствам относится крещение, приобщающее людей к смерти и воскресению Иисуса и, стало быть, к сообществу его служителей; к этим средствам относится благочестие в повседневной жизни, приближающее осуществление нового творения в суровой физической реальности; а также к этим средствам может относиться и мученичество, значение которого такое же, что и страдания Иисуса на кресте, — чтобы, подобно распятому разбойнику, мученик смог оказаться вместе с Иисусом в раю и в конечном итоге смог сам испытать воскресение.

Но вновь для гностиков все это не имеет значения. Для них путь к спасению — альтернативному «спасению», т. е. бегству от мира, — состоит в *знании*, знании секретных сведений о мире и нашей собственной истинной сущности. Вновь процитирую Эрмана:

Для гностиков человек спасается не через веру в Христа или благонравные поступки [здесь Эрман путает учение Павла о «спасении» с его взглядами на «прощение», но нас это не должно отвлекать]. Вместо этого человек спасается благодаря знанию истины — истины о мире, в котором мы живем, о том, кто такой истинный Бог и, особенно, о том, кто такие мы сами. Другими словами, путь к спасению заключается главным образом в самопознании: в познании того, откуда мы пришли, как мы сюда попали и как нам можно вернуться на нашу небесную родину [...] Для тех гностиков, которые являлись еще и христианами (многие гностики ими не являлись), именно сам Христос приносит с небес это тайное знание. Он открывает истину своим ближайшим последователям, и эта истина может дать им свободу.²²

Другими словами, в рамках гностического учения была изменена не только природа спасения и способ его достижения. Была изменена также и фигура «Иисуса» или «Христа». Хотя Эрман здесь использует язык Иоанна («и познаете истину, и истина сделает вас свободными»²³), «истина», которая, по

²² См.: Bart D. Ehrman in KMW, p. 84.

²³ Ин 8:32.

предположениям гностиков, была открыта этим «Иисусом», очень сильно отличается от того, что предлагается в канонических евангелиях и других ранних христианских текстах.

Возникает вопрос: является ли «спасение» актом безусловной божественной любви и *милости* по отношению к тем, кого не за что хвалить, как эмоционально пишут об этом Павел и Иоанн? Или же это акт откровения, в котором показывается то, *что уже имеет место*, когда «открыватель» поверяет информацию о человеке, уже являющуюся истинной, а получающий информацию узнает, кто он на самом деле? В конце концов, представляет ли собой «спасение» всего лишь открытие собственной «звезды» и следование ей? Таким образом, можно констатировать, что под понятием «спасение» у ранних христиан и гностиков подразумеваются совершенно разные вещи. И в связи с этим встает вопрос: что происходит в наше время, когда ученые и популяризаторы не только делают такие тексты, как Евангелие Иуды, общедоступными, за что все интересующиеся Древним миром, должны быть им очень благодарны, но еще и настоятельно рекомендуют их как взгляд на Иисуса и христианство с новой и неожиданной точки зрения?

Разумеется, ответ частично заключается в желании издателей заработать деньги. Что бы вы предпочли: издать текст в виде научной монографии, которой библиотеки и ученые купят несколько тысяч экземпляров, или же издать его под громким рекламным лозунгом «наконец-то мы знаем правду!», и тогда книга попадет в списки бестселлеров? Но люди, имеющие отношение к проекту, это не просто Дэны Брауны с учеными степенями. Несомненно, они знают, что делают и что рекомендуют. Что в реальности они пытаются нам объяснить, и как нам следует реагировать на это?

6. РАСКРУТКА ИУДЫ: НОВЫЙ МИФ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ХРИСТИАНСТВА

Мысль, которую прежде всего пытались доказать издатели Евангелия Иуды — и это была одна из тех мыслей, что неизбежно всколыхнули средства массовой информации, — заключается в том, что данный документ реабилитирует Иуду Искарриота после всех негативных отзывов о нем как предателе Иисуса. Марвин Мейер высказывается по этому поводу весьма красноречиво:

В отличие от евангелий Нового Завета, в Евангелии Иуды Иуда Искарриот представлен совершенно положительной фигурой, образцом для тех, кто хочет быть последователем Иисуса. [...] Главная суть книги — проницательность и верность Иуды как образец ученичества. В конце он исполняет волю Иисуса.¹

Да, так он и делает; но то, чего хочет этот «Иисус», и причина, по которой он этого хочет, как подробно объясняет Мейер, совершенно не соответствует тому, что мы можем вообразить об Иисусе Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Мейер продолжает, добавляя в картину черный фон, чтобы бриллиант нового открытия сиял еще ярче:

Однако в библейской традиции Иуда, чье имя стало ассоциироваться с иудеями и иудаизмом, часто изображался иудеем-злодеем, устроившим арест и казнь Иисуса, и таким образом библейская фигура Иуды-предателя подпитывала идеи антисемитизма. Личность Иуды в этом, рассматриваемом нами евангелии может противодействовать антисемитским тенденциям. Он делает исключительно то, о чем его просит Иисус, внимательно слушает его и остается верным ему. В Евангелии Иуды Иуда Искарриот предстает самым любимым учеником Иисуса и его близким другом.²

Обратите внимание, как Мейер протаскивает в канонические евангелия средневековый стереотип, чтобы Евангелие Иуды выглядело положительным и политически корректным ответом на них. Ни в одном каноническом евангелии нет и намека на то, что предательство Иуды и его виновность хоть как-то связаны с тем, что он *иудей*. Когда Мейер использует выражение «библейская традиция», фактически имеет в виду: «традиция, которая, спустя тысячу лет после написания Библии, использовала Библию определенным способом». Как мы уже говорили, Иисус был иудеем; все апостолы были иудеями; два человека в ближайшем окружении Иисуса (один из апостолов и родной брат Иисуса)

¹ См.: M. Meyer in KMW, p. 9

² *Ibid*, p. 9-10.

имели имя Иуда.

Но о чем Мейер совершенно здесь не упоминает, поскольку, прекрасно зная об этом, он также понимает, что обращает в прах всю идею реабилитации Иуды, — это то, что все мировоззрение гностицизма, которое было столь ярко дополнено Евангелием Иуды, по своей природе противоположно основам мировоззрения иудаизма. Иудаизм начиная с Книги Бытия и далее утверждает благость сотворенного мира и особую роль Израиля, которому предназначено быть светом мира. Гностицизм утверждает фундаментальную ущербность и порочность сотворенного мира, глупость тех, кто руководствуется Ветхим Заветом, и особый статус гностиков, которые являют собой искры света и которым предстоит быть спасенными от этого мира. В частности, согласно иудаизму, Бог Израиля — добрый и мудрый властелин и творец всего сущего, между тем как в гностицизме, Бог Израиля — некомпетентный и злобный *демиург*, создавший этот порочный мир. Если гностики правы, то иудаисты — нет, и наоборот.

Возможно, ожидая такой контраргумент, Мейер заявляет, будто в Евангелии Иуды фактически используются некоторые «иудейские» идеи. Но, конечно, это «гностицистские иудейские» идеи:

Вдобавок тайны, о которых он узнает от *Иисуса*, пронизаны гностицистскими иудейскими знаниями, и носитель этих тайн, Иисус, является учителем, рабби. Христианское Евангелие Иуды мирно уживается с иудейской идеей — конечно, альтернативной иудейской идеей — о гностицистской мысли, и гностицистская иудейская мысль получила крещение путем погружения в христианскую гностицистскую мысль.³

Самое лучшее, что можно сказать по этому поводу, — это то, что тут мы видим лишь попытку выдать желаемое за действительное. Вполне может быть, как и предполагает ряд ведущих специалистов и как я уже писал в главе 2, что гностицизм II века, знакомый нам по библиотеке Наг-Хаммади, Евангелию Иуды и прочим источникам, в самом деле имеет некоторые специфические иудейские корни: иначе зачем было бы такому эллинистическому движению, настолько пронизанному платонизмом, постоянно ссылаться на иудейские писания, зачастую иначе их истолковывая и подгоняя под собственное мировоззрение? Социальная обстановка того времени создавала подходящий контекст, как я уже предполагал (крушение надежд после подавления восстания Бар-Кохбы); философский климат был благоприятным (Филон Александрийский за сто лет до того блестяще синтезировал традиционные иудейские верования и платоническую философию, хотя Филон никогда не

³ *Ibid*, p. 10. Он развивает тему на с. 166-168, ссылаясь на другие будто бы христианизированные «иудейские гностицистские» тексты — такие, как «Тайная книга Иоанна» и «Евгност Блаженный».

мыслил как гностики). Что вполне могло произойти — так это то, что ряд иудейских мыслителей и мистиков первых двух веков, идеи которых развивались в чем-то параллельно идеям Филона, но были далеки от них, испытывали гнев и разочарование из-за несостоятельности собственной традиционной веры и крушения надежд и начали предлагать такую форму религии, при которой сохранялись отдельные внешние символы и предания древнего иудаизма, но суть ее была другой — в частности, на смену вере в доброго и мудрого Бога пришла идея его абсолютной противоположности⁴. Действительно «иудейским» в Евангелии Иуды является лишь упоминание Адама, Сифа и других из Книги Бытия. Но она использована с тем, чтобы ниспровергнуть иудаизм, подорвать его изнутри путем намеренно извращенной трактовки текста. Если Евангелие Иуды было написано «каинитами», то они специально превратили злодея Книги Бытия (Каина) в героя, так же, как они поступили с явным злодеем евангелий (Иудой). При таком прочтении Книга Бытия «используется» примерно так же, как ребенок мог бы «использовать» пьесу Шекспира, вырвав из нее страницу для изготовления бумажного самолетика.

Барт Эрман тоже пытается «реабилитировать» Иуду. Уже заявив, что Иуда в этом новом «евангелии» показан как «посвященный, человек, которому Иисус поверяет свое тайное откровение», Эрман предполагает, что это должно изменить взгляды христиан на иудаизм:

Если Иуда не предавал Иисуса, значит, это изменит понимание христианами своего отношения не только к предателю, но и к народу, который в глазах многих предатель олицетворяет — главным образом [«именно»?] к евреям. На протяжении всей истории христианства христиане обвиняли евреев в убийстве Иисуса, и Иуда прочно укоренился в их сознании как еврей, предавший Иисуса. Если же на самом деле Иисус и Иуда договорились друг с другом о миссии Иуды, то это изменит понимание отношений между иудеями и христианами.⁵

Разумеется, на данное утверждение нам необходимо ответить, что если эта предполагаемая «договоренность» о миссии Иуды была договоренностью о мировоззрении и богословской теории, представлявших собой диаметрально противоположность взглядам большинства иудеев I века (исключая разве что некоторые гипотетические сообщества, уже отказавшиеся от веры в благость творения, но не оставившие заметных следов своей деятельности), то это в самом деле может изменить понимание отношений иудеев и христиан — показывая, что истинный иудаизм и истинное христианство имеют между

⁴ Обдуманное мнение о «иудейском гностицизме» можно найти в: В. Pearson, *Gnosticism, Judaism and Egyptian Christianity* (Minneapolis, Minn.: Fortress, 1990)

⁵ Цит. по: Н. Krosney, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot*, p. xxii, 51.

собой гораздо больше общего, чем любое из них — с мировоззрением, представленным в Евангелии Иуды! Но Эрман копает еще глубже:

Если оказывается, что Иуда не предавал Иисуса, а просто сделал то, чего хотел от него Иисус, то это показывает, что Иисус был последователем иудаизма, а не человека, олицетворившего разрыв с иудаизмом. И если бы исторически Иисус не олицетворял собой разрыв с иудаизмом, то это оказало бы существенное влияние на сегодняшние отношения между иудеями и христианами, поскольку тогда две религии исторически представляли бы не разными, а одной и той же религией.⁶

Пожалуй, это вновь лишь желаемое, выдаваемое за действительное, но кроме того, приведенный текст подтверждает распространенное заблуждение. Никто в I веке, — конечно, это относится и к авторам канонических евангелий или их информаторам — не рассматривал предательство Иуды как какое-то свидетельство «разрыва» между Иисусом и иудаизмом. Как и Мейер, Эрман просто усматривает средневековые идеи в текстах, в которых эти идеи полностью отсутствуют. Вопрос об отношениях между движением Иисуса и иудаизмом I века в самом деле сложен и в наши дни приобрел множество новых разнообразных граней. Но любое предположение, что пересмотр истории Иуды и его предательства приведет к замене концепции «Иисус против иудаизма» концепцией «Иисус за иудаизм», — пустые разговоры. Вновь отмечу, все, что мы знаем об Иисусе и первых христианах, и все, что мы знаем об основных течениях иудаизма I века — о фарисеях, ессеях, авторе Книги Премудрости Соломона, Иосифе Флавии, даже о платонике Филоне, — указывает на то, что они имели гораздо больше общего друг с другом, нежели с гностицизмом, тем более с гностицизмом того рода, который описан в Евангелии Иуды.

Нам нельзя забывать (хотя Мейер и Эрман, похоже, благополучно забывают об этом, представляя «реабилитацию» Иуды как важный прорыв в иудейско-христианских отношениях), что в Евангелии Иуды Бог Творец, Бог иудаизма, описывается как божество неполноценное, да и, вообще, злобное. Как всюду указывает Эрман (и как легко можно понять, прочтя другие документы, скажем, Евангелие от Фомы), по мнению гностиков, этот иудейский бог не заслуживал поклонения, а напротив, его следовало избегать⁷. Для набожного иудея с тех времен и по сей день фундаментальный символ веры звучит так: «Слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый...

⁶ Цит. по: Н. Krosney, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot*, p. 51.

⁷ Об отвержении гностиками иудейского бога см.: КМВ, p. 86. О «Евангелии от Фомы» см. также изречение 104: «Дайте кесарю то, что принадлежит кесарю, дайте Богу то, что принадлежит Богу, и то, что мое, дайте это мне!» (другими словами, Иисус представляет собой существо более высокое, чем «Бог» иудеев).

»⁸. Любой, кто произносил эту фразу три раза в день, прекрасно понимал, что принятие мировоззрения, предлагаемого Евангелием Иуды, означало бы не просто разрыв, а настоящее, радикальное вероломство, попрание самого главного убеждения иудаизма. Нам нелишне познакомиться с комментарием ведущего иудейского богослова нашего времени Гая Струмсы:

Отношение гностиков к Богу Израиля как к второсортному божеству, а к пророкам Израиля как к его приспешникам — это явный пример того, что можно назвать метафизическим антисемитизмом.⁹

Выступая в аналогичном ключе, ведущая еврейская исследовательница происхождения христианства профессор Эми-Джилл Левин с факультета богословия Университета имени Вандербилта пишет:

Эта новая пересмотренная версия Иисуса не только никак не повлияет на отношения между иудаизмом и христианством, но и в целом Евангелие Иуды содержит богословскую теорию, из которой ничего хорошего не почерпнут ни иудеи, ни христиане [...] Я предпочла бы сохранить в качестве героя Бога Израиля вместо того, чтобы делать героем Иуду, Я предпочла бы сохранить закон и пророков вместо того, чтобы узнавать что-то о просветленных зонах, и предпочла бы уважать человеческое тело вместо того, чтобы отвергать его.¹⁰

Все это, пожалуй, подрывает трогательную убежденность Фриды Чако Нуссбергер (перекупившей манускрипт и передавшей его на обработку) в том, что ей было «предопределено самим Иудой реабилитировать его»¹¹. И повторение устами Кросни предположения Мейера и Эрмана, что это новое «евангелие» устраним средневековую идею коллективной виновности (Евангелие Иуды не содержит зловещей клеветы, которая могла бы на протяжении истории вызывать поношение евреев, погромы и даже холокост»), ясно дает понять, что к чему¹². Как часто происходит в постмодернистском обществе, ссылки на холокост используются как уже довольно заезженный способ заявить о своих высоких моральных устоях. Но только лишь потому, что «Иуда» в этом документе «исполняет пожелания своего возлюбленного

⁸ Символ веры (Шема) «Слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый» см.: Втор 6:4.

⁹ Guy G. Stroumsa, *Haaretz*, 1 April 2006.

¹⁰ А. -J. Levine, "The Judas Gospel: Is it Good for the Jews?" // *The Jerusalem Report*. Vol. 17. 3 (May 2006), p. 46.

¹¹ О видении Нуссбергер ее роли см.: *National Geographic*. May 2006, p. 95; Н. Krosney, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot*, p. 169. Позднее появилось ее высказывание о том, что ее «вело Провидение» (Н. Krosney, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot*, p. 175).

¹² Н. Krosney, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot*, p. 295.

учителя», как выражается Кросни, нет причин предполагать, что это вразумит остающихся в мире антисемитов. Ведь в документе ничего не говорится о принадлежности Иуды к евреям; и все, что в нем говорится о еврейском народе, — это то, что эти люди поклоняются не тому, что нужно, божеству. Над ними уместно насмеяться, а их мировоззрение следует отвергнуть.

* * *

Однако редакторы заявляют, что этот текст содержит не только информацию, реабилитирующую Иуду. Это еще и новый, вдохновляющий взгляд на самого Иисуса. Мне, кажется, ясно, что имел в виду Мейер, говоря о посыле текста как о «благой вести»:

Посыл Евангелия Иуды в том, что как и Иисус, представляющий собой духовное существо, пришедшее из высших сфер и возвращающееся к неземному блаженству, так и истинные последователи Иисуса есть духовные существа, которым суждено существование в божественной сфере [...] по окончании земной жизни, это люди, принадлежащие к великому поколению Сифа. Они оставят все, из чего состоит этот бренный мир, чтобы дать свободу своей внутренней сущности и высвободить душу. [...] Из уст Иисуса звучит мистическое послание надежды и свободы.¹³

Послание надежды и свободы, может быть, но отнюдь не в том смысле, который был бы понятен первым христианам.

Действительно ли этот текст, как считает Эрман, «открывает новые горизонты понимания Иисуса и основанного им религиозного движения»¹⁴? Не в том смысле, в котором хотелось бы Эрману. Ад: он действительно проливает свет — не много, а чуть-чуть — на гностические учения II века, о которых нам уже немало известно и которые приобретают здесь некоторые новые, любопытные черты. Но нет, он ничего не сообщает нам об Иисусе из Назарета; здесь идет речь лишь о некоторых способах, которыми впоследствии использовалось его имя, чтобы придать весомость учениям, крайне далеким от провозглашения им царства Божьего как на земле, так и на небе. Евангелие Иуды — действительно «новый и по-настоящему ценный» документ, недавно найденный и обработанный, дающий нам доступ к ранним сведениям о II веке. Но он не сообщает нам ничего «нового» и «по-настоящему ценного» о самом Иисусе и о его первых последователях¹⁵.

Совсем наоборот. Несмотря на возражения Мейера, Эрмана, Пейглас и

¹³ См.: M. Meyer in KMW, p. 166, 169. Об этом «евангелии», как о «благой вести» см.: *Ibid*, p. 45 п. 151.

¹⁴ Цит. по: Bart D. Ehrman in KMB, p. 80.

¹⁵ Возражения против мнения Кросни.

других исследователей, которых цитирует Кросни, Евангелие Иуды от начала и до конца содержит в себе однозначное и полное отрицание того, что говорится в канонических евангелиях¹⁶. Сам Кросни, резюмируя учение, изложенное в книге, окончательно раскрывает карты:

[Этот документ] приняли на веру некоторые люди, искренне считавшие Иисуса истинным мессией, благодаря поданному им яркому примеру и благодаря тому, что он мог привести каждого человека к богу [...] Иисус — это не страдающая фигура, которой предстоит погибнуть в агонии на кресте. Вместо этого, он — дружелюбный и благожелательный учитель с чувством юмора.¹⁷

Никто из тех, кто понял канонические евангелия, не смог бы вообразить, что это новое евангелие отбрасывает всю их богословскую теорию и заменяет ее на совершенно иную. И никто из тех, кто понял значение смеха Иисуса в этом новом тексте, не счел бы, что это характеризует Иисуса как «дружелюбного и благожелательного»¹⁸. Если нам нужна благожелательность, то мы ее найдем не в Евангелии Иуды, а в Новом Завете. Человек на кресте, может быть, и «страдающий», но причина его страданий ясна: «Жизнью, что я живу сейчас во плоти, я обязан вере в Сына Божьего, Кто возлюбил меня и предложил Себя в жертву вместо меня».

Так почему Мейер, Эрман и другие так упорно заявляют, что Евангелие Иуды актуально и важно не просто для нашего понимания раннего христианства, но и для сегодняшнего дня? Почему они утверждают, что в нем есть новые, жизненно важные откровения? Ответ заключается в том, что их энергичная пропаганда книги — часть более пространной истории, в которую многие в наши дни, особенно в Северной Америке, хотят верить и популяризировать, даже создавая материалы, которые большинство историков сочтут явной чепухой. Это — то, что я называю новым мифом о происхождении христианства¹⁹.

Главные составляющие нового мифа хорошо известны, и Барт Эрман — один из самых известных его популяризаторов среди ученых²⁰. Детальное

¹⁶ См.: Н. Krosney, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot*, p. 280.

¹⁷ *Ibid*, p. 280, 286.

¹⁸ О смехе Иисуса в «Евангелии Иуды» см. с. 47-49.

¹⁹ Дополнительную информацию о мифе о происхождении христианства см.: Т. Wright, *Decoding Da Vinci* (Cambridge: Grove, 2006).

²⁰ Аргументы в поддержку нового мифа см.: В. Ehrman, *Misquoting Jesus: The Story behind Who Changed the Bible and Why* (San Francisco, Calif.: HarperSanFrancisco, 2005); *Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew* (New York: Oxford University Press, 2003); а также другие его работы — как научные, так и популярные. Как и в случае с различными древними мифами, современные мифы принимают разные формы, так что ни одного популяризатора нельзя считать

рассмотрение мифа и подробные комментарии к нему заняли бы здесь слишком много места, но очень важно, чтобы мы поняли основные черты и пафос этого движения, и выяснили, почему стремление пропагандировать его вызывало у Эрмана и других такой энтузиазм в отношении Евангелия Иуды.

Во-первых, согласно новому мифу, Иисус не был таким, каким его изображают канонические евангелия. Он не считал себя сколько-нибудь божественным. Он не намеревался погибнуть за грехи мира. И конечно, он не восставал из мертвых. Скорее, Иисус был учителем необычной и расшатывающей прежние основы мудрости, породившей многогранную традицию, из которой возникло множество движений, и в их рамках писалось и редактировалось множество версий жизни Иисуса, его высказываний и его судьбы.

Во-вторых, существовало великое множество типов раннего христианства, и эти движения создали большое количество разных «евангелий», которые циркулировали среди ранних христиан более-менее свободно. Только после того как император Константин в начале IV века сделал христианство господствующей религией, церковь решила выдвинуть на первый план евангелия от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна и отвергнуть все остальные. И причины такого выбора — вновь и вновь заявляют пропагандисты нового мифа — в том, что церковь все время была заинтересована в политической власти и контроле, потому она и стремилась отдать приоритет таким книгам, которые помогут добиться этого — и не в последнюю очередь благодаря тому, что в них говорится о божественном Иисусе, а не о простом человеке, как в прочих евангелиях²¹.

В-третьих, отвергнутое таким образом учение вовсе не касалось представлений иудеев и ранних христиан о царстве Бога Творца, наступающем как на земле, так и на небе. Оно было посвящено поиску истинной внутренней сути — и не просто истинной сути, а истинной благодати и даже истинной божественности. Оно никак не касалось потребности в искуплении грехов; люди, по крайней мере особая их часть, были не грешниками, нуждающимися в прощении, а искрами света, и им требовалось открыть то, кто они на самом деле. Это учение никак не касалось мечты о воскресении, а уж тем более — воскресения в реальности. Оно предлагало религию иного рода и больше

представителем всего движения.

²¹ О причинах, по которым церковь, говоря о божественном Иисусе, якобы добивалась власти, см. также: М. Meyer in KMW, p. 7, 27, 29, 118 (вкратце все сводится к тому, что одна из конкурирующих группировок христиан одолела все остальные). См. также: Н. Krosney, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot*, p. 191. Идея, что в канонических евангелиях показан «божественный» Иисус, между тем как в гностических текстах фигурирует «человечный» Иисус, — это одно из наиболее странных и совершенно глупых предположений, высказанных Дэном Брауном в «Коде да Винчи».

походило на мягкую версию буддизма...

...И было в большей степени созвучно надеждам либеральных американских интеллектуалов начиная с 1960-х годов и по сию пору, особенно тех, которые росли и воспитывались в строгих христианских семьях, будь это традиционный католицизм или традиционный (и, возможно, фундаменталистский) протестантизм. Кросни — может быть, наивно — приводит красноречивую цитату исследователя античности Роджера Бегнелла, и те, кто знаком с предметом обсуждения, найдут, что его слова попадают точно в цель:

Если рассматривать состояние академических исследований религии в 1960-х и 1970-х годах [имеется в виду Северная Америка], то можно увидеть, что в этих кругах было много ученых, получивших строгое религиозное воспитание, и у этих людей было весьма непростое отношение к этой части их биографии. [В переводе с научного языка это значит «и они решительно отвергали то, чему их учили в воскресной школе».] Материалы библиотеки Наг-Хаммади, конечно, были еретическими в техническом смысле, и ортодоксальные святые отцы жестко их осуждали. Ученый, не участвующий лично в делах церкви, казалось бы, не должен принимать это близко к сердцу, но здесь вряд ли такой случай. Если вы почитаете Илейн Пейгльс, то увидите результаты: гностицизм объявляется направлением, в котором могло бы пойти христианство, и которое сделало бы его более теплым и пушистым, гораздо более приятным, нежели холодная ортодоксия.²²

Отрадно слышать правду — как бы ни было грустно думать о таком взгляде на «ортодоксию», согласно которому она выглядит деспотичной по сравнению с радикальным дуализмом гностиков с их ненавистью к миру. Ссылка на Илейн Пейгльс, чей труд мы уже упоминали, говорит о многом: в своей знаменитой книге «Гностические евангелия» она постоянно проводит параллели между различными античными гностическими воззрениями и примечательными аспектами нашей современной индивидуалистической культуры — такими, как буддизм (его некоторые формы), экзистенциализм и психотерапевтическое движение²³. В какой-то момент она сравнивает гностицизм с философией Фейербаха — немецкого мыслителя XIX века, тезис которого, что когда мы говорим о Боге, мы в действительности говорим о человечестве, стал важным для экзистенциалистского богословия 1930-х годов и ревизионистских теорий, выросших из нее, создав почву для зарождения и

²² Цит. по: Н. Krosney, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot*, p. 196.

²³ О параллелях между гностицизмом и современной культурой: Е. Pagels, *The Gnostic Gospels*, p. 19, 27, 133, 140.

расцвета нового мифа²⁴. Получается, что сгодится любое учение, лишь бы это не был классический иудаизм или христианство.

Современное североамериканское движение в чем-то избирательно, оно предпочитает именно гностицизм, но я еще вернусь к этому вопросу. Суть в том, что мода на превозношение гностических текстов, включая даже чрезвычайно странные из них, и противопоставление их каноническим писаниям в гораздо большей степени связана с социальной и религиозной (или, скорее, антирелигиозной) модой, бытующей в Северной Америке, нежели с реальными историческими исследованиями. Разумеется, необходимо учитывать серьезные исторические доводы. Но сила этого мифа — что демонстрируют настоящие бури в прессе всякий раз, когда появляются обрывки «свидетельств», которые можно «раскрутить», чтобы популяризировать миф в пику традиционному христианству — такова, что эти доводы просто отменяются пылким желанием верить в то, во что требует верить миф.

Так, в частности, согласно новому мифу, мы должны поверить в то, что если нам нужна настоящая, несущая свободу религия, мы найдем ее скорее в гностических учениях, а не в традиционном христианстве. Вот еще одна цитата Марвина Мейера:

В Евангелии истины [хорошо известном гностическом трактате, найденном в Наг-Хаммади] плод знания - это открытие, приносящее радость. Оно означает, что человек находит бога внутри себя, что тьма ошибок и страха рассеивается, и на смену кошмару тьмы приходит вечный и всеблагий день.²⁵

Вряд ли это лишь бесстрастная констатация позиции, от которой человек, излагающий ее, хотел бы дистанцироваться. И означенная позиция, помимо того, что она хорошо подходит для нового мифа о происхождении христианства, относится к более мощной культурной матрице, к протестантским церквям, особенно североамериканским, действовавшим на протяжении последних 200 лет. Пожалуй, это самый тревожный нюанс, проявляющийся по мере изучения нами Евангелия Иуды и отражающего причины, почему оно так «раскручивается».

* * *

Осенью 1982 года я преподавал в Университете имени Макгилла в канадском городе Монреале. Однажды за обедом я познакомился с приезжим ученым, который рассказал мне о своем исследовательском проекте. С тех пор мы больше не встречались, но на протяжении последующих лет, хотя я

²⁴ О гностицизме и Фейербахе см.: *Ibid*, p. 132.

²⁵ Цит. по: Н. Krosney, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot*, p. 140.

проводил исследования в ином направлении, нежели он, я интересовался, как идет его работа. Наконец, совсем недавно я купил и прочитал его книгу. И лучше бы я сделал это раньше.

Ученый, о котором идет речь, Филип Дж. Ли, пресвитерианский священник из канадской провинции Нью-Брансуик. Его тезис, получивший ряд восторженных отзывов как от богословов, так и от культурологов, состоит в том, что гностицизм определенного рода глубоко укоренился в североамериканском протестантском христианстве, и это породило многоликое зло — не только в церкви, но и в обществе в целом. Его книга под названием «Против протестантских гностиков»²⁶ содержит полемику, время которой, по моему, пришло уже давно.

Ли характеризует типичную американскую религию, как религию элитарного типа: она ставит занятого собственными интересами индивида превыше сообщества верующих. В рамках этой религии регулярно делался выбор в пользу того, что Ли называет «выборочным синкретизмом», вместо попыток разобраться в религиозных традициях. Ей свойственны одновременно эскапизм с его уходом от мира политики и общества и нарциссизм с поиском собственной идентичности и стремлением к самоосуществлению. При своем отрицании благости творения эта религия призывает американцев думать о существующем мире просто как об источнике ресурсов, допускающем экологическую халатность и разнузданное насилие, — что, как указывает Ли в предисловии к переизданию книги в мягком переплете, представляет собой все более тревожное явление в американской общественной жизни.

Я не могу здесь вдаваться в детали сделанного Ли анализа или начинать более широкую культурологическую дискуссию, к которой призывает его книга. Мне кажется, он довольно сильно преувеличивает свои доводы, как часто делают полемисты-новаторы. Попытки Ли изобразить протяженную генеалогию современного гностицизма, прочерчивая ее во времени аж до элементов кальвинизма американских «отцов-основателей», местами удивляют меня надуманностью. Его труд нуждается в уравнивании работами других исследователей, и не в последнюю очередь, книгами ученого более умеренных взглядов Сирила О'Ригана²⁷. Но это краткое упоминание о нем сделано с тем, чтобы поместить в более широкий контекст как новый «миф», о котором я говорил, так и энтузиазм в отношении античного гностицизма (по крайней

²⁶ Philip J. Lee, *Against the Protestant Gnostics* (New York: Oxford University Press, 1987). Издание в мягкой обложке 1993 года содержит новое предисловие, где прослеживается сходство критики Ли с критикой культурного комментатора Гарольда Блума, положительно отзывавшегося об этой книге. Книга Блума [H. Bloom, *The American Religion: The Emergence of the Post-Christian Nation* (New York: Touchstone, 1992)] представляет собой хлесткое изложение того же тезиса.

²⁷ C. O'Reagan, *Gnostic Return in Modernity* (Albany, N. Y.: State University of New York Press, 2001).

мере, ряда его элементов), который этот миф порождает и поддерживает.

Например, западный протестантизм еще с эпохи Просвещения, а может быть и до нее, поддерживал идею различных теорий заговора. Церковь, «истеблишмент», или как это не назови, была заинтересована во власти и престиже и таким образом скрывала «правду» о своем историческом происхождении, а вместе с ней и «истинную веру», которую, будто бы, проповедовал и олицетворял Иисус. Серьезные мыслители XVIII и XIX веков смотрели на этот вопрос исключительно позитивно, так как он не давал церкви «почивать на лаврах» и вынуждал ее заниматься серьезной исторической работой. Но с той деградацией, которую претерпели теории заговора в последние годы, протестантский «инстинкт сомнения» в былых «достоверностях» выродился в постмодернистский «инстинкт неверия» во что бы то ни было. Как сказал Роуэн Уильямс в уже процитированной проповеди:

Нас привлекают предположения о заговорах и замалчивании правды; сегодня это стало так привычно для нашего воображения, что, как видно, вполне естественно испытывать подобные сомнения, когда мы обращаемся к древним текстам, особенно к библейским текстам. Мы относимся к ним так, будто это неубедительные пресс-релизы из какого-то официального источника, чье намерение — скрыть правдивые факты; и эти правдивые факты ждут, пока доблестный исследователь не откроет их и не поделится ими с охваченным ожиданием миром. Все, что похоже на официальную версию, автоматически подвергается сомнению. Кто-то пытается помешать вам выяснить, что происходило на самом деле, потому что происходившее на самом деле может подрвать могущество властного аппарата. Из всего этого получается любопытная и характерно «современная» история — о сопротивлении властям, о раскрытии тайн, о разоблачении коррупции и обмана; все это вызывает в памяти Уотергейт и книгу «Вся президентская рать».²⁸

Вот так. Но эта безостановочная герменевтика подозрений не приводит к равновесию, оставляя нас без каких-либо господствующих теорий или базовых религиозных посылок или мотивов. Вместо этого — Ли считает, что в этом состоит основная тенденция американского протестантизма, — в нынешних истолкованиях значительное предпочтение отдается различным формам гностицизма, особенно идее, что «открытие того, кто я на самом деле есть» — главный религиозный императив, ведь то, «кто я на самом деле есть» — фактически некая божественная сущность. Ли чрезвычайно эффектно цитирует Тома Вулфа, указывая, что, помимо прочего, сексуальная революция оправдывалась почти в религиозных терминах: божественная искра на вершине моей души (как, действительно, зачастую представляется сексуальный

²⁸ См. цит. на с. 89.

импульс) должна разгореться в пламя любой ценой, что может подразумевать разрыв связей с прошлым и будущим, с семьей и друзьями²⁹.

Вот, почему в рамках церковной жизни и богословских теорий, приветствующих это новое и, по крайней мере, квазигностическое изложение происхождения христианства, самым авторитетным источником знаний считается собственный *опыт*. Если смысл религиозного поиска состоит в открытии божественной искры внутри самого себя, значит, внимание к этому внутреннему опыту наверняка — непременно! — сведет на нет всякую привлекательность любого другого предполагаемого источника авторитета. В самом деле, как мы видели, частью общего смысла гностического движения является отрыв от внешних источников влияния и следование за собственной звездой. Даже если это привело к одиночеству — можно сказать, к солипсизму — крайне важно придерживаться «главенства непосредственного опыта»³⁰. Вот что сегодня лежит в основе некоторых критических церковных дебатов: когда люди говорят об «обращении к опыту» или потребности «прислушиваться к переживаемому», Хотя бы некоторые из них хотят, чтобы эти фразы звучали в контексте такого мировоззрения, где «опыт», по определению, является высшим авторитетом, поскольку наш внутренний «опыт» есть ключ к собственной тайной божественной природе — теперь, по крайней мере, выявленный. В тот день, когда я редактировал эту книгу для издания, я находился в Торонто, и там, в центре города у входа в церковь, увидел надпись с цитатой из Карла Юнга: «Кто смотрит вовне — тот спит; кто смотрит вовнутрь — пробуждается». Современный гностицизм в виде краткой формулы.

Но, конечно, нынешний интерес к гностицизму выборочный. Некоторые из ранних гностиков трактовали дуализм таким образом, что он означал отверженность серьезному аскетизму. Они на самом деле обрывали связи с миром пространства, времени и материи. Они на самом деле отказывались от всех чувственных удовольствий и земных чаяний. Найдется (как это можно заявлять без того, чтобы самому выглядеть циником?) не особенно много свидетельств того, что современный американский гностицизм идет по этому пути. Скорее, он пытается воспользоваться самым лучшим из всего, что есть в обоих мирах. Во-первых, это «поиск божественности», оказывающийся процессом самопознания, ведущим к пропагандируемому в религиозном ключе экзистенциализму, в котором «открытие того, кто я есть» — главное

²⁹ Рассуждения Ли о сексуальной революции см.: Philip J. Lee, *Against the Protestant Gnostics*, p. 197-205, особенно цитату Тома Вулфа «Мое десятилетие и третье великое пробуждение» (*The Me Decade and the Third Great Awakening*): *Mauve Gloves and Madmen, Clutter and Vine* (New York: Bantam Books, 1977), p. 111-47. См. также о современной «спиритуализации сексуальности»: Philip J. Lee, *Against the Protestant Gnostics*, p. 277.

³⁰ Цит. по: E. Pagels, *The Gnostic Gospels*, p. 149.

обязательство, ведущее ко второму обязательству — «быть верным самому себе», даже если это означает быть неверным всему остальному. Во-вторых, это неустанный и культурно обусловленный «поиск счастья» в виде такого материального и эмоционального благополучия, которое любого древнего гностика, придерживающегося строгих принципов, привело бы в ужас. Ничего себе комбинация.

Конечно, большинство людей не думают об этом таким образом. Для некоторых подразумеваемый смысл первой, более «духовной», установки может неявно срастаться со второй, более «материальной». Для других гностический императив может легко соединиться с требованием эпохи Просвещения — полного разделения церкви и государства, религии и политики. Наша религиозная жизнь — обитание на «верхнем этаже» мира, с которого мы спускаемся на «нижний этаж», где жизнь заключается в делании денег, погоне за счастьем и т. д., без какого бы то ни было ощущения несовместимости. В самом деле, гностицизм, как мы видели, настаивал именно на этом разделении между религиозной и земной реальностью, которую мыслители Просвещения приветствовали, конечно, совсем по другим причинам, но с удивительным и мощным слиянием культурных импульсов.

И теперь проявляется еще один ярко выраженный симптом. Радикальный дуализм, выраженный в Евангелии Иуды, имел много общего со столь же радикальным дуализмом, воплотившимся в диспенсационном фундаментализме, столь распространенном во многих частях Северной Америки и ныне выраженном в популярной серии романов «Оставленные на земле»³¹. Как никак, главная цель и первого, и второго — спастись от порочного мира и переселиться в другой мир, а именно — в «небеса», вместо того, чтобы (согласно Новому Завету) стремиться к царству Божьему, наступающему как на земле, так и на небе. Сомневаюсь, что Эрману и Мейеру понравится предположение, что они — двоюродные родственники дуалистического фундаментализма, представленного этим движением, но свидетельства тому очевидны. «Этот мир — не мой дом; я просто путник, оказавшийся в нем». Так витийствуют фундаменталисты; но гностики согласились бы с ними.

Как аргумент сторонников правого политического крыла, этот селективный неогностицизм может оправдывать все от так называемого Евангелия процветания (если я — стойкий приверженец христианства, то Бог сделает меня богатым; ведь я принадлежу к его элите) до идеи, что американский народ имеет «предначертание» — наводить порядок в остальном мире. Главная мысль здесь такова: если мы являемся «просвещенными», оставив позади ограничения в виде прежних предрассудков и невежества,

³¹ Романы этой серии были написаны Тимом Ла Хэем и Джерри Дженкинсом. Первая книга серии под названием «Исчезновения» вышла в 1996 году.

значит, мы не просто имеем возможность, а обязаны вести себя так, как подобает элите мира, в частности, если необходимо, обрушивая на других наказание за их упорную слепоту, за их неспособность увидеть то, что видим мы³². Кто сможет отрицать, что по крайней мере один элемент такого подхода можно увидеть в поведении некоторых европейских руководителей за последние 200 лет и некоторых американских — в недавнее время?

Для сторонников же левого крыла селективный неогностицизм может оправдывать все — от вульгарного синкретизма в религии до полного пренебрежения традиционными нормами сексуальной морали. Как никак (это касается первого аспекта), если Иисус — это просто человек, открывающий нам, что божественная сущность находится внутри нас, значит, могут найтись и другие открыватели истины; и если цель христианства — вовсе не спасательная операция, во время которой творец мира посылает своего сына умереть и воскреснуть, чтобы спасти мир, а в действительности откровение о божественности уже содержится в нас (ну, по крайней мере, в некоторых из нас), значит, мы дистанцируемся от того, во что верили большинство христиан начиная с I века, и приближаемся к тому, во что верили представители других религиозных движений.

Что же касается второго аспекта, то если мой глубинный «опыт» — идеальный тест на религиозную или духовную адекватность, а моя глубинная «идентичность» — конечная цель моего религиозного или духовного поиска, значит, открытие моей индивидуальной сексуальной идентичности и ее полное выражение стоит выше, чем ограниченные и навязанные извне моральные нормы, взятые из древних текстов, которые как-никак менее адекватны, чем мы когда-то думали³³. Кто сможет отрицать, что элементы этих импульсов имеются в значительной части современного дискурса как в рамках церковных общин, так и за их пределами?

Как левые, так и правые взгляды основываются на одних и тех же религиозных воззрениях, которые гораздо более созвучны античному гностицизму, нежели классическому христианству: значение имеет не внешний мир, не человеческое сообщество и даже не физическое существование человека, а предполагаемая искра подлинной «идентичности», скрытая внутри индивида. На корпоративном уровне нельзя не заметить, что развитие событий зеркально отражает классическую историю освобождения Америки (и я, как англиканский епископ, прекрасно понимаю иронию того, о чем говорю): в конце XVIII века, как раз когда Просвещение было в своем зените, зарождавшиеся Соединенные Штаты объявили, что они ищут свою собственную идентичность и не собираются плясать под дудку короля Георга

³² О неогностицизме правого крыла см.: Philip J. Lee, *Against the Protestant Gnostics*, p. 168-172, 244, 268.

³³ *Ibid*, p. 277, где он говорит о «спиритуализации сексуальности».

III и... епископов, которых он посылает в колонии!

Вполне возможно, это было разумной государственной политикой. Я не оправдываю выходки моих соотечественников в прошлом. Но едва ли это хорошая завязка для построения религиозного или духовного мировоззрения.

И на индивидуальном уровне мы не удивляемся, когда Герберт Кросни резюмирует учение Евангелия Иуды и его актуальность для нашего времени в понятиях, о которых я уже говорил, но его слова заслуживают повторения, так как они от и до соответствуют тезису Ли:

Следование за своей звездой — это идея, которая сегодня также актуальна, как в то время. Вместо того чтобы проклинать предателя, может быть, нам следует внимательно присмотреться к добродетели внутри нас.³⁴

Впрочем, остается вопрос, который звучит так: насколько все это заслуживает доверия? Что если Евангелие Иуды выдало нам секрет современного гностицизма? Не переусердствовало ли движение, представленное Мейером, Эрманом, Пейгльс и другими, издав эту весьма четкую декларацию идей гностицизма II века?

³⁴ Н. Krosney, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot*, p. 300.

7. ЗНАЧЕНИЕ НОВОГО «ЕВАНГЕЛИЯ» ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ

В этой, последней, главе я хочу задать вопрос, действительно ли появление Евангелия Иуды, что я уже отмечал, знаменует тот момент, когда обычный читатель, давно привыкший к тому, что его пичкают теориями заговоров, «тайными евангелиями», «утраченными знаниями» и т. д., наконец-то проснется, протрет глаза и скажет, что если все сводится к *этому* — имея в виду под «этим» то, что мы находим в данном «евангелии» — то не иначе все это какое-то недоразумение, и, может быть, в классическом христианстве что-то есть. Что бы мы не думали об историческом Иуде Искарите и «предательстве» им Иисуса, возможно, Евангелие Иуды наконец раскрыло нам тайну, которую хранили ярые защитники гностицизма, пытаюсь убедить всех, что тексты библиотеки Наг-Хаммади и другие подобные документы, как ни крути, превосходят и по религиозным достоинствам, и по древности, канонические евангелия. Но когда мы смотрим Евангелие Иуды, мы видим, что это на самом деле не так.

Несмотря на то что Мейер, Эрман и другие из всех сил стараются убедить нас в том, что учение, описанное в «евангелии», чрезвычайно ценно, я чувствую, что в какие-то моменты они понимают, что перегибают палку. И дело не только в том, что им следует извиниться, как мы видели ранее, за поразительно бессвязную и непонятную космологию. Нет, дело в том, что мировоззрение Евангелия Иуды настолько мрачно, настолько бескомпромиссно и дуалистично, что они непременно должны понимать, что обычный читатель, особенно живущий в благополучной и сытой Северной Америке, вряд ли воспримет его всерьез. Как видно, единственное, на что можно надеяться, — это телесная смерть: неужели такой посыл может вызвать воодушевление даже в сердцах гностически настроенных людей в современном мире? Или, если это так (нельзя не вспомнить о самоубийстве членов секты «Врата рая» и аналогичных случаях), то не к этому ли стараются нас призвать восторженные пропагандисты Евангелия Иуды?

В частности, нельзя не отметить, что, поскольку автор этого текста считает мир пространства, времени и материи мрачным и порочным местом, ничто не гарантирует, что этот мир когда-нибудь изменится. Помимо идей творения, Израиля, искупления и воскресения, еще одной иудейской и христианской доктрины, не принимаемой во внимание Евангелием Иуды, потому что согласно его мировоззрению она не имеет смысла, это — Божье правосудие. Вот что я отмечу на случай, если кто-то среагирует на слово «правосудие», сказав «Ага! Все это мне внушали с детства — адское пламя, проклятие; и вот это я, к счастью, отбросил». Нам следует вспомнить, что по библейской традиции идея правосудия — именно *благая*, а не плохая. Она означает, что Бог Творец пообещал, наконец-то, исправить мир, наладить его,

очистить, исцелить его старые раны и устранить из него зло. В частности, это благая весть для бедных и угнетаемых. Царство Божье придет, и его воля свершится как на земле, так и на небе; действительно, небеса и земля, наконец, объединятся. Таково обещание Нового Завета, произрастающее из древних иудейских корней и начинающееся осуществляться через Иисуса, его смерть и воскресение¹.

Но в Евангелии Иуды ничего подобного нет. «Иисус» этого нового «евангелия» смеется над людьми, думающими так и поклоняющимися такому богу. У него другое послание: воспринимаемый нами мир — западня и иллюзия, и незачем думать о нем. Те, кто живет по Евангелию Иуды и аналогичным трактатам, могут уклоняться от столкновений с властью имущими этого мира, между тем как христиане II и III столетий — тех времен, когда гностицизм был на пике своего развития, находясь в тени христианских общин, — то и дело подвергались жесточайшим преследованиям. В наши дни вполне возможно найти культурно обусловленные причины, объясняющие, как много людей в современном обществе чувствуют свою отчужденность и потому тянутся к гностицизму, причем можно провести параллели с теми, кто изначально его пропагандировал. Но факт, что некоторые люди считают мир настолько страшным и мрачным, что их тянет к радикальному дуализму (причем, это может помочь объяснить рост числа самоубийств в западном мире), вряд ли является аргументом в пользу того, чтобы побуждать этих людей погрязнуть в таком состоянии, а тем более воображать, будто именно этому учил Иисус.

Так что же в действительности происходит в мире, где бытует «новый миф о происхождении христианства», где наблюдается гностическая тенденция в американском протестантизме и гностицизм предлагают в качестве подходящей альтернативы классическому христианству? Происходит, без сомнения, многое, но главное таково. Если из реального мира убрать «религию», то пропадет мотивация *делать* что-либо для этого мира. Уберите концепцию мира как благого творения доброго Бога и веру в то, что этот Бог намерен исправить мир, и вы подорвете желание приблизить последний суд. Все, с чем вы остаетесь (наряду с потребностью бегства путем «открытия того, кто вы на самом деле»), — желание время от времени навязывать миру свою волю, называя такое навязывание «справедливостью», как делают все империи, но лишая этот мир всякого объективного коррелята.

Разумеется, те, кто сегодня пропагандирует неогностицизм левого толка, скажут, что, помимо прочего, они находятся в непримиримой оппозиции к тому типу «классического христианства», что сегодня представляют американские правые, включая тех из них, кто ответствен за текущую внешнюю политику США. Но в этом и загвоздка. Религиозные правые американцы, хотя и в самом

¹ См.: Еф 1:10; Откр 21:2.

деле используют некоторые элементы классического христианства, сами крепко углубились в ту же порочную колею, что и люди, которых можно назвать религиозными левыми американцами. Тип христианства, что за последние двести лет стал популярным по обе стороны Атлантики, фактически серьезно вытравил свою опору на великое писание Нового Завета и такие раннехристианские концепции, как воскресение. И этот тип христианства приветствует не только идею индивидуализма, когда по-настоящему важна лишь «моя» душа, ее состояние и ее спасение, но и идею такой надежды на будущее, которая тревожно напоминает идеи гностицизма. «Попадание на небеса после смерти», — или, в самом деле, избежание смерти и попадание на небеса посредством «вознесения», — это название игры для миллионов христиан такого толка. И когда говоришь людям, как часто делаю я, что для Нового Завета идея «попадания на небеса» не особо значима, но гораздо важнее идея новой телесной жизни на какой-то будущей стадии и приближение этой стадии будущей телесной жизни путем следования благочестию и праведности в настоящем, на тебя смотрят подозрительно, как будто ты пытаешься насаждать какую-то новую ересь. «Консервативное» западное христианство и «либеральное» западное христианство периода после эпохи Просвещения начинают напоминать всего лишь два крыла одного и того же по сути ошибочно ориентированного движения².

Это — тема для другой книги. Я затрагиваю ее здесь только для того, чтобы обрисовать широкую картину, на фоне которой следует рассматривать дебаты о таких документах, как Евангелие Иуды. Но ввиду особой заинтересованности нам следует указать на то, как можно или даже необходимо ответить на обвинение, которое «новый миф» регулярно выдвигает против ортодоксального христианства. Этот «новый миф» регулярно обвиняет ортодоксальное христианство в компромиссе с окружающей культурой, развив такую богословскую теорию, которая узаконивает угнетение людей и по существу представляет собой инструмент для замаскированных властных манипуляций. Но эти упреки начинают подозрительно напоминать то, что в психоанализе называется «проекцией». Если уж кто-то был рад компромиссу с политическим статус-кво последних 200 лет, так это именно западный протестантизм периода после эпохи Просвещения, и не в последнюю очередь — ввиду согласия с тем, что религию следует считать вопросом исключительно личным, оставляя все прочее — общину и все, что с ней связано, — без всякой помощи. Как мы видели, представители классического христианства II и III веков подвергались жестоким гонениям, между тем как гностики в те времена практически не преследовались. Но и современных западных протестантов не преследуют. Да и к чему их преследовать? Они не представляют опасности ни для какой власти. Их Иисус — эскапист, он не владыка мира. Они не в большей

² О корнях этого явления см.: Philip J. Lee, *Against the Protestant Gnostics*, ch. 6.

степени враги для правителей нынешнего мира, чем были врагами гностики для кесаря. И мой главный тезис состоит в том, что все это настолько очевидно после прочтения Евангелия Иуды, что должно бы заставить нас подумать: действительно ли к этому сводится истинная христианская вера?

По идее, Евангелие Иуды и комментарии тех, кто с энтузиазмом его рекомендует, должны побудить нас задаться некоторыми непростыми и важными вопросами. Не разоблачает ли это «евангелие» абсурдность происходящего? Не очевидно ли, что если мы принимаем на веру «новый миф» и связанную с ним версию неогностицизма, то в итоге говорим о значении слова «бог» нечто такое, что должно заставить нас призадуматься? Не открыло ли нам Евангелие Иуды мрачную тайну гностицизма — античного и современного — то, что согласно его воззрениям, бог, создавший этот мир, — глупое, злобное, порочное полубожество? И сколько людей, познакомившись с таким богом, с одной стороны, и с Господом нашим Иисусом Христом — с другой — причем, последний, по определению, есть Бог, создавший мир из чистой и бескорыстной любви и спасший его из той же чистой и бескорыстной любви, Бог, проявивший свое величие тем, что взвалил груз мирского зла на собственные плечи в лице своего страдающего сына, Бог открывающий свои будущие планы изменения созданного порядка, воскресив своего сына из мертвых для начала нового творения, — сколько людей всерьез заявят, что им не особенно по душе христианский Бог, и вместо него они предпочитают бога гностического? Если люди действительно прочитают и изучат Евангелие Иуды, не уместно ли будет предположить, что многие придут к выводу, что все-таки гностицизм — это не для них?

Конечно, гностицизм — как античный, так и современный — показывает всем крючок с наживкой. Согласитесь с его тезисами, и вы сможете найти «божественность» внутри себя. Ваши глубочайшие чувства и желания могут быть оправданы, поскольку, если вы сумеете заглянуть глубоко внутрь своего существа, то что вы разглядите, свидетельствующая о вашей подлинности божественная искра. В конце концов, вы не нуждаетесь ни в каком спасении — разве что от порочного мира, окружающего вас, того мира, что пытался удерживать вас в его собственном безобразном обличьи, сделать вас одним из гадких утят и насмеяться над вашим безобразием, между тем как вам давно известно, что на самом деле вы — прекрасный лебедь. В отличие от призыва Иисуса, гностическое послание велит вам не забыть себя и нести свой крест, а познать себя и следовать за своей звездой. Это — великий искус. Однако, в отличие от обещания Иисуса, такое учение не предлагает вам обновленный и наполненный радостью мир Бога, сотворившего его, а предлагает мир, отвергнутый и презираемый теми, кто нашел пути побега из него.

Одним словом, классическое христианство несет в себе намного больше жизни и надежды, чем когда-либо воображали популяризаторы нового мифа или те, кто предлагает недавно найденные гностические тексты как панацею от

всех недугов. Ужасно жаль, что церковные деятели бывали настолько ограниченными, настолько непонимающими все грани проповедуемого ими Евангелия, Благой вести самого Иисуса. В Евангелии Иисуса, в отличие от Евангелия Иуды, мы находим иудейское откровение, предназначенное всему миру: откровение о Боге Творце, любившем мир так сильно, что он призвал иудейский народ быть опорой для спасения мира и в нужный момент послал иудейского Мессию выполнить замысел спасения; мы находим откровение об этом Мессии, провозглашающем великое, мудрое, исцеляющее царство Бога Творца своими деяниями и учением и, особенно, своей смертью и воскресением; мы находим откровение о будущем завершении нового творения, начавшегося событиями с участием Иисуса, о завершении, гарантированном теми событиями и осуществляемом силой дающего жизнь Святого Духа того же самого Бога Творца; мы находим откровение, призывающее людей всех племен и народов не к тому, чтобы искать божественную искру внутри себя, а к тому, чтобы ответить благодарностью и смиренной верой на великую весть, провозглашающую Иисуса истинным Господом мира, и чтобы путем служения ему и принадлежности к его священному народу открыть новое измерение жизни в мире, а не приглашение сбежать из мира; мы находим откровение, побуждающее последователей Иисуса, укрепленных силой Святого Духа, отправиться в мир и осуществлять новое творение с уверенностью, что эта работа уже начата воскресением Иисуса и будет завершена, когда небеса и земля наконец объединятся, и делать это так, чтобы изменения в жизни людей проявлялись уже сейчас.

Это — настоящее Евангелие. Оно о настоящем Иисусе, о настоящем мире и, самое главное, о настоящем Боге. Как говорится в рекламе, остерегайтесь подделок.